

ОНА ВЕРНУЛАСЬ К СВОИМ ОГНЯМ

ПРИВЫЧНЫЙ БЫТ И СТРАННЫЕ СНЫ
О ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
ОНИ ИЗУЧАЛИ КОСМОС, КОГДА ЗЕМЛИ
ЕЩЕ НЕ БЫЛО. И ОНИ ВЕРНУЛИСЬ ЗА НЕЙ.

18+

◆ РАДА ЛИТАРСКИ ◆

Рада Литарски
Она вернулась к своим Огням

«Автор»

2026

Литарски Р.

Она вернулась к своим Огням / Р. Литарски — «Автор», 2026

Это не роман о поиске себя, попытках залечить обиды или трудностях эмиграции. Это повествование о личной гравитации – притяжении к своим истокам – и о примирении с конечностью жизни: как собственной, так и всего, что нас окружает. Оставив дом и прежнюю жизнь, героиня оказывается в Стокгольме – городе гранита, туманов и застывшего времени. Но её шведский путь быстро сворачивает с туристических маршрутов, превращаясь в странное погружение в слои, скрытые под поверхностью привычного мира – туда, куда её с самого детства вели поражающие своей очевидностью знаки. На этом пути её ждут мужчины, для каждого из которых именно она становится зеркалом, проявляющим их суть. Но встретит ли она того, кто не испугается и разделит с ней эту пугающую темноту – темноту, в которой постепенно просыпается память о древней цивилизации космических странников, когда-то оставивших свой Экипаж на Земле? Их технологии неотличимы от магии, их цели туманны, а появление грозит изменить привычный мир навсегда.

© Литарски Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Она вернулась к своим Огням

Глава

ПРОЛОГ

Планета Исследований функционировала не как биосферный курорт, а как гигантский лабораторный комплекс межгалактического масштаба. Её положение в пространстве было строго откалибровано – она находилась в точке пересечения стабильных физических векторов Вселенной, где отсутствовали частотные искажения.

Аватары, населявшие Базу, представляли собой тонкие, бесполое, органические формы. В них полностью отсутствовала лимбическая система и гормональные маркеры, отвечающие за генерацию эмоций. Их физиология была стерильна. Воспроизводство биологических носителей разума происходило искусственным путём – через генетическое моделирование под конкретные технические задачи.

Режим их функционирования заключался в сплошном аналитическом процессе. Существа занимались сбором, каталогизацией и структурным анализом материи: измеряли плотность грунтов, изучали изотопный состав космических объектов, тестировали материалы, доставленные из пограничных галактик иными цивилизациями на заре формирования Вселенной. Эта исследовательская платформа подчинялась законам линейного времени, и её лаборанты привыкли работать с тем, что уже стало статичным, предсказуемым прошлым физического мира.

Процесс утилизации отработанного тела был лишён любого драматизма. По истечении эксплуатационного срока носитель ложился в специальный бокс, фиксировал остановку биологических процессов и закрывал глаза. Энергетическое ядро выходило из белковой оболочки без сопротивления, поскольку внутри системы отсутствовали зацепки и привязанности. Освобождённая энергия мгновенно уходила по вектору назначения – на плановую перезагрузку или переход в другие звёздные системы. Это была зона абсолютного покоя и нулевого эмоционального трения.

Эту платформу зафиксировали Тёмные Фигуры – высококонцентрированные сознания из нефизических мерностей. Для них существование в плотной материи было технологической новинкой, уникальным опытом фиксации себя в четырёхмерных координатах.

Между многомерным Экипажем и физической Базой установился формат технического аутсорсинга:

Корабли Экипажа курсировали между галактиками, собирали принципиально новые, неизвестные доселе образцы аномальных материй и свежих изотопов, регулярно расширяя поле исследований Базы, и доставляли их на Планету Исследований для глубокого анализа. Как и иные цивилизации, прежде бывавшие здесь, они охотились за ментальным наследием тех, кто некогда превратил эту планету в колыбель вселенской научной мысли, сделав её эпицентром фундаментальных открытий и архивом первозданных знаний.

Из-за разности частотных диапазонов существа с Базы практически не видели своих кураторов – взаимодействие происходило на уровне энергоинформационного обмена и автоматической отгрузки контейнеров через частотные шлюзы.

Часть сознаний из состава высокочастотного Экипажа ради исследовательского интереса начала добровольно заходить на круги перерождения внутри Планеты Исследований. Они инкарнировали в бесполое аватары, проживали сухой, точный цикл лаборантов, измеряли физику плотного мира и спокойно возвращались на Живой Корабль. Это был предсказуемый маршрут, где риск потерять себя стремился к нулю.

Сбой в исследовательской рутине произошёл, когда Живой Корабль запеленговал в одном из удалённых секторов физическую планету с принципиально иными параметрами существования.

Контраст между двумя физическими мирами был абсолютным:

1. Планета Исследований (База)
2. Земля (Матричный сектор)

Параметры:

Био-модификация

1. Бесполоая, стерильная, искусственная
2. Двуполоая, хаотичная, репродуктивная

Эмоциональный фон

1. Абсолютный ноль, статика
2. Высокоамплитудные всплески (надрыв)

Энерговыведение

1. Ровное, контролируемое
2. Импульсное, хаотичное (страх, боль, экстаз)

Вектор ухода

1. Прямой выход через портал
2. Ловушка, замкнутый реинкарнационный цикл

Существа на Земле обладали способностью транслировать колоссальные объёмы тяжёлой неоформленной энергии во внешнюю среду. Не имея навигационных карт и понимания устройства Вселенной, они направляли этот ресурс в пустоту – так генерировались первые энергетические эгрегоры, божественные концепты, религиозные и государственные институты.

– Что они делают? – спросила одна из Фигур, вглядываясь в синхронное покачивание и монотонный гул существ на планете, как они замирают, преклоняя колени и обращая лица к пустому небу.

– Молятся, – ответила вторая Фигура.

Земляне буквально накачивали плотностью ментальные фантомы, которые впоследствии сформировали жёсткие надстройки, противостоящие друг другу и начавшие паразитировать на своих же создателях.

В результате многовекового выброса тяжёлых низкочастотных вибраций – страха смерти, боли от потерь, территориальной агрессии – вокруг Земли сформировался автономный информационно-энергетический Купол.

Это не механическая скорлупа, а вязкое частотное марево, выполняющее функцию зеркала и фильтра одновременно. Каждая новая эпоха войн и катаклизмов лишь увеличивала толщину и плотность этого экрана.

Возник принцип ловушки: физическое тело погибало, но информационный сгусток, перегруженный земными привязанностями, обидами и чувством вины, не мог пробить гравитацию Купола. Он рикошетил от верхних границ матрицы и принудительно сбрасывался обратно в чёрный коридор, подгружаясь в новые биологические заготовки. Память при этом полностью обнулялась плотью.

Этот сгусток – подлинная, вечная суть человека, индивидуальный носитель сознания, который формируется и уплотняется за счёт прожитого опыта. На самой Земле это явление впоследствии исказилось в человеческом восприятии, превратившись в мистический туман и абстрактный религиозный образ, названный душой. Она обладает собственной уникальной

частотой и памятью, оставаясь единственной константой, способной пережить распад углеродной оболочки.

Физическое тело для неё – лишь временный биологический скафандр, необходимый для фиксации в плотном мире. Однако настройки этого скафандра зависят от среды.

На Планете Исследований аватары были сконструированы высокоразвитыми цивилизациями той системы. Это была чистая, совершенная органика принципиально иной, неземной природы: такие тела работали как прозрачные проводники и не блокировали глубинную память сознания, позволяя ему функционировать без потери данных и свободно продолжать движение по космическим координатам Вселенной.

Земная же плоть устроена иначе: это тяжёлая углеродная тюрьма с агрессивной гормональной системой, которая принудительно затирает весь прошлый опыт, как только структура заходит на новый круг перерождения.

Экипаж Живого Корабля наблюдал за этим процессом через экраны дальнего сканирования. Прямое вмешательство из их измерения было технически невозможным – Купол гасил любые внешние информационные и энергетические сигналы, превращая их на Земле в едва заметные помехи или кратковременные оптические аномалии, которые Экипаж пытался направлять со стационарной орбиты из своего измерения. Тонкий луч просто рассеивался в плотной атмосфере, как свет фонарика в густом грязном тумане.

Для Тёмных Фигур, чьё существование в высокоразвитых мирах никогда не ограничивалось примитивной дуальностью, этот сектор стал полем для предельного, рискованного эксперимента. Рождённые в измерениях, где сознание оперирует концепциями многомерного творения, синестезии смыслов и чистых энергетических потоков, они привыкли к совершенно иному масштабу бытия. Однако Земля разительно отличалась от всего, с чем они сталкивались ранее, являя собой гораздо более низший, запёртый в гравитации мир.

Прежний опыт сухой каталогизации Планеты Исследований здесь больше не работал. Чтобы понять, как взломать Купол и перенаправить потоки этой хаотичной, разорванной энергии, Тёмным Фигурам пришлось добровольно пойти на понижение частот и исследовать носителей матрицы изнутри, проверив на прочность собственное сознание. Только спустившись в углеродные тела, они смогли по-настоящему осознать, что такое физическая боль и слепая земная любовь, которая в этом грубом мире одновременно и держала души в ловушке, и являлась единственной силой, способной пробить эту матрицу.

Возникла тактическая задача: помощь могла быть оказана только путём внедрения десанта непосредственно в саму систему.

– Мы можем использовать механику входа, которую отработали на Планете Исследований. Зайти своим ядром в формирующийся биологический аватар в момент его активации – при рождении.

– Это критический уровень риска. Земной Купол обладает ментальной гравитацией, блокирующей память. А плотность физического тела окончательно свяжет восприятие и сотрёт навигационные настройки. Ты окажешься в тисках биологической формы и той среды и не сможешь вернуться на корабль.

– Посмотрим.

Координаты были зафиксированы. Из открывшихся шлюзов Живого Корабля в плотные слои атмосферы Земли одна за другой начали сыпаться высокочастотные искры.

Это не был вызов системе. Это было милосердие к запёртым структурам, обречённым на бесконечное повторение одних и тех же циклов в замкнутом контуре планеты. Каждая искра несла в себе код пробуждения – шанс для местной жизни наконец-то разомкнуть свои непрерывные внутренние циклы.

Живой Корабль не разрушал старый мир, он просто открывал для привыкшего к жёстким догмам сознания возможность жить иначе, наделяя его гибкостью и способностью трансформироваться.

Экспедиция зашла внутрь Купола.

Глава 1

МАРЕВО

Я родилась в самом южном городе Казахстана, где летом температура доходит до пятидесяти градусов. Это не время года, а настоящее испытание. Маревое в воздухе – обычное дело. Горячий поток обжигает горло, и больно дышать. Всё вокруг дрожит и размывается. Мысли плавают.

Говорят, я всегда слишком много думала. Но к сорока годам эти мыслительные процессы не привели меня к вершинам карьеры или большому благосостоянию. Оказалось, думать – это одно, а «достигать успеха» – совсем другое. Мысли и усилия – это разные величины, и одно редко перетекает в другое. Я училась, работала. Однако, каких-то невозможных высот в учёбе, творчестве или карьере так и не покорила. Возможно, я к этому не сильно стремилась.

Наша семья жила в двух комнатной квартире обычной пятиэтажки в микрорайоне. Отец служил прапорщиком в военной части, мама работала бухгалтером на производстве, у меня был старший брат-школьник. Наша жизнь была устроена просто: детский сад, школа, работа, возвращение домой.

Летние дни я проводила на улице, а возвращаясь, подолгу стояла у раковины, выпив стакан холодной воды и пытаясь отдышаться. В бетонных блоках квартиры казалось ещё жарче, чем снаружи. Мои мысли не давали мне покоя и роем вились в голове.

Яркое солнце утомляет: от него болят глаза. Мне нравилось смотреть в ясное синее небо и представлять, что это море и я падаю в него, но только наоборот – не вниз, а вверх. Где бы я ни находилась, везде, по возможности, я закрывала окна шторами. В одно особо жаркое лето мы принимали ночью душ, мочили простыни холодной водой, и завернувшись в них, ложились на пол, чтобы уснуть. Дожди летом на юге Казахстана – целое событие. Тогда открыты все окна. За окном гроыхает, на улице льётся вода, и появляется возможность выспаться.

Когда никого не было, я заходила в одну из комнат, садилась и закрывала глаза. Я уходила в темноту и подолгу вглядывалась в неё, пытаясь что-то вспомнить. Но формулировать это ясно и понятно я тогда не умела – мне просто не хватало слов. В такие моменты тело исчезало. Не полностью. Но становилось далёким. Время останавливалось. Это очень странное состояние, когда ты понимаешь, что прошлого и будущего нет. Есть только этот момент, и только в этом моменте ты существуешь.

В этой темноте окружающий мир растворялся, оставляя лишь одну цель: разглядеть место, где доводилось быть до появления на свет. Точно объяснить суть этих поисков было невозможно, но уверенность в существовании того прежнего пространства была абсолютной.

Я хорошо помню своё раннее детство: обычные будни в детском саду, общение со сверстниками и все те привычные дела, которыми обычно заняты дети.

Наша семья тоже была обычной. Мы не были по-особому несчастны – и счастливыми тоже не были. Родители нас любили, но их усталость и житейские тяготы шли привычным фоном. Так жили многие вокруг.

Мой отец всегда казался мне приземлённым. О чём мы говорили с ним? Я помню, что он сочинял какие-то детские смешные истории про «Марьяночку-Лампочку» и её друзей по имени Шифоньер и Стеночка и рассказывал мне, когда я засыпала. Это было очень забавно.

«Однажды Шифоньер и Стеночка пришли в гости к своей подружке Марьяночке-Лампочке. Оказалось, что в дальнем конце квартиры, прямо за вешалкой с пальто, поселился ужасный Мрак, который утащил любимый плюшевый тапочек Стеночки. Трусливый Шифоньер

сразу заперся на ключ изнутри, а Стеночка наотрез отказалась двигаться с места, уверяя, что она привязана к полу. И тут на помощь пришла хозяйка дома». И я представляла себя маленькой смелой Лампочкой, отважно шагающей по тёмному коридору. Чтобы светить, электричество мне не требовалось.

Во всём остальном наше общение ограничивалось бытом. Я не могу сказать, что мне не досталось любви. Но это была любовь того поколения, которое не могло её выразить через близость и диалог. С годами я стала понимать своих родителей – они росли в суровое время, когда проявление эмоций считалось непозволительной роскошью. Им тоже не досталось безусловной любви в детстве – слишком тяжёлой была эпоха. Родители отдавали мне всё, что у них было, просто их максимум измерялся повседневной заботой об элементарных нуждах, а не разговорами по душам.

Мы с братом никогда не были близки. Он старше меня на двенадцать лет, и всегда жил своей жизнью, почти не интересуясь моей. Я тянулась к нему, как могла и как умела, но потом поняла: есть люди, которые нас просто не любят, и со временем это не меняется.

Мама была тонкая и нежная. Она часто брала меня на руки и долго обнимала. Её руки были мягкими и пахли ромашковым кремом и чем-то неуловимо уютным, домашним.

Я часто задавала ей вопросы.

– Мамочка, где я была до того, как родилась?

Мама смеялась.

– Марьян, ну где ты могла быть до рождения? Тебя не было, – говорила она. – Ты просто родилась.

Я слушала и не верила. Я очень её любила, но даже тогда смутно понимала, что мама чего-то не знает. Потому что я точно знала, что я где-то была.

Я засыпала её новыми расспросами: откуда берутся сны, почему звёзды не падают все сразу и помнит ли она тот мир, из которого мы обе пришли? Мама лишь ласково гладила меня по голове, вздыхая от моей неуёмной фантазии.

А потом я снова уходила в темноту. Там, в темноте были ответы на мои вопросы. Но я не получала их так, как мне этого хотелось. То, что я искала, находилось внутри меня, а я хотела, чтобы кто-то мне всё объяснил. Но этого «кого-то» не было, и вопросов становилось всё больше. Поэтому я всматривалась в темноту ещё более внимательно, чем прежде. Мне казалось, если делать это достаточно долго, я всё пойму.

Я чувствовала, что мой путь начался задолго до этого жаркого города, и он не закончится здесь. Я была «Лампочкой», про которую отец рассказывал в своих сказках, но я ещё не знала, что мой свет принадлежит не этой земле.

«Здравствуйтесь, не ждали?»

Наша пятиэтажка стояла в глубине микрорайона, далеко от дороги. С освещением в то время было туго – фонарей во дворах не было. Конечно, это создавало неудобства, но воспринималось как часть повседневных сложностей – куда деваться.

Мне было пять лет, когда дома затеяли ремонт. Квартира превратилась в хаос. Мебель разобрана, вещи не на своих местах. Из-за этого беспорядка спать всем пришлось как придётся: меня, как самую маленькую, положили на диван, мама легла рядом со мной на полу, а папа с братом ушли в другую комнату на матрасы.

Едва мы погасили свет, как папа, который всегда засыпал мгновенно, уже громко захрапел.

И в этот самый момент по коридору кто-то прошёл.

Это был сгусток энергии. Тёмный, среднего размера, он двигался прямо по воздуху, сантиметрах в двадцати от пола. Очертания были похожи на человеческие, но я понимала: это не человек.

Дверь в зал была открыта, и я в ужасе уставилась в проём. Это нечто бесшумно проплыло из одной комнаты в сторону кухни. У нас в квартире сильно скрипели полы, особенно в коридоре, но сейчас стояла тишина, которую нарушал только отцовский храп.

В свои пять лет я отчаянно пыталась найти этому объяснение. Я надеялась, что это брат, хотя знала, что люди не умеют летать. Я ждала, что на кухне вот-вот зашумит вода, или что оно пройдёт назад, и всё окажется простым и понятным. Но вода не потекла. Была только тишина и этот тёмный проход.

Я долго не могла сомкнуть глаз, глядя в коридор, пока сон всё-таки не сморил меня.

Утром я проснулась от маминого голоса. Она допрашивала отца:

– Ты вставал ночью? Как только мы свет выключили?

– Да нет, я сразу уснул.

– Но я видела! Кто-то прошёл в коридоре прямо по воздуху!

– Да быть такого не может, – отмахивался отец.

Я слушала их и молчала. Я не призналась, что видела то же самое.

Мама схватила телефонную трубку и сбивчиво начала рассказывать кому-то на другом конце провода:

– Слушай, ты не поверишь, что у нас ночью было... Мы только спать легли, – мама посмотрела на меня. Я стояла рядом, не сводя с неё глаз. Мама прикрыла трубку ладонью и шепнула мне: – Марьяна, доча, иди умывайся, зубки чисть.

Я нехотя зашла в ванную, но дверь закрывать не стала. Стояла там, не включая воду, и слушала её.

– По коридору! – доносилось из прихожей. – И не идёт, а плывёт по воздуху. Тишина полная. Ну ты же знаешь, как у нас полы скрипят? А тут ничего! Мне так жутко стало.

Я включила воду.

– Нет, не фары, – продолжала мама, – откуда у нас машины во дворе? Оно прошло по воздуху, понимаешь? Своими глазами видела...

Мама видела то же, что и я. Тот тёмный гость был реальным. И это было моё первое столкновение с тем, что мир гораздо сложнее, чем кажется. А может быть, и не первое. Просто я не помню, что было до этого.

«Надо вспомнить, – думала я, прикасаясь к воде. Я умывала своё лицо – вспоминай, вспоминай, вспоминай...»

Спустя пару лет мы переехали в новый дом, и у меня, наконец-то, появилась своя комната. Всё в ней было просто: письменный стол, пара стульев, кровать и шифоньер. Тот детский «тёмный призрак» из старой пятиэтажки остался в прошлом, и я была этому рада. Моя таинственная темнота стала рассеиваться в обычных буднях. Я была занята музыкой, танцами, и много училась в обычной школе. Моё расписание обычно выглядело так: школа, быстрый обед, затем дополнительные уроки в музыкалке и в танцевальной студии. Я очень уставала. Скука и бессмысленность затягивали меня, и я, как можно чаще, старалась напоминать себе, что я не сплю.

Мои вопросы никуда не делись. И все эти вопросы, как и прежде, были связаны с тем, что спрятано внутри меня. Но я не могла игнорировать реальность и то, что в ней происходило.

«Они»

Я не хотела, чтобы это были мои «фантазии». Когда наш воспалённый мозг создает впечатление, будто с нами происходило нечто, чего не было и быть не могло. Даже будучи ребёнком, я относилась к «сверхъестественному» спокойно и рассудительно.

Как ни странно, но уже тогда я понимала, на какие трюки способен человеческий разум и как легко наш мозг путает реальность с вымыслом, застревая в сумерках между сновидением и бодрствованием. На сегодняшний день интернет завален историями людей, которые стали жертвами таких ночных иллюзий и ложных пробуждений. Я знала, что сознание может

банально зависнуть на границе между сном и явью, подсовывая пугающие галлюцинации – то, что многие позже будут списывать на особенности физиологии. Но то, с чем мне предстояло столкнуться, не имело к этим играм ума никакого отношения. Это происходило наяву.

Мне было семь. Однажды ночью я проснулась от яркого света. Он наполнил всю комнату. Яркие круги – зелёные, красные, жёлтые – беззвучно скользили по стенам. Я привстала с кровати, пытаясь разглядеть их получше. И тогда я увидела Их.

Три или четыре тёмно-серые Тени подошли ко мне. Я не помню их чётких очертаний. Они молча наклонились и взяли меня на руки. Их прикосновения были мягкими, как будто меня держали не руками, а чем-то бесплотным. Меня подняли и понесли.

Комната осталась внизу. Я всё ещё видела её: кровать, стены, эти разноцветные круги. И в этот момент мне стало по-настоящему страшно. Я попыталась вырваться.

– Нет, – сказала я. – Отпустите меня.

Мне не пришлось долго сопротивляться. Они держали крепко, но так же спокойно, как и взяли, опустили меня обратно на кровать. И сразу исчезли. Свет погас. Комната снова стала тёмной, обычной.

Утром я спросила родителей, было ли что-то ночью. Свет, шум? Нет. Никто ничего не видел.

В моей голове поселились странные мысли. Но страха не было. Это было другое чувство: светлое ощущение невидимой защиты. Когда ты точно знаешь, что за пределами нашей Земли есть кто-то ещё.

Я ходила по улице, было тепло, но небо казалось таким же серым, как и те Тени. Таким же, как и я сама. Нет, я не была похожа на них внешне. Но внутри я была такой же серой – ни света, ни тьмы.

Или, наоборот, во мне было всё сразу, что не могло уместиться в физическом теле.

Я вдруг отчётливо поняла: тёмное содержит в себе свет, а светлое наполнено темнотой. Времени нет. Прошлого и будущего не существует. Моего тела тоже нет. Есть только сознание, которое ведёт меня по этому странному пути, который я не выбирала.

Или выбирала, но просто не помню об этом. Я смотрела в небо и думала: почему они отпустили меня? И что было бы, если бы я не сказала «нет»?

Через пару недель мне приснился сон. «Другой» сон – не тот, где мозг разгружается от рутины. Этот был ясным и чётким.

Я оказалась на планете. Там не было солнца, но свет присутствовал, хотя и непонятно откуда. Всё вокруг было тёмно-зелёным. Воздух казался плотным, густым. Мне не было страшно. Я чувствовала тепло и спокойствие – я чувствовала огромную любовь.

Вдалеке стояли Тени.

Много. Они не двигались, просто смотрели на меня. Как будто ждали, когда я буду готова.

Потом зазвучал какой-то голос извне. Он сказал, что это мой настоящий дом. Что здесь моя семья, и я – одна из них. Что они приходили, чтобы вернуть меня, но оставили, потому что я сказала «нет».

Я проснулась с пониманием, которое невозможно объяснить. Словно у меня появилась тайна. Теперь я знала, что есть место, где меня любят и ждут. И одновременно я подумала о своих родных здесь, на Земле. Что здесь меня тоже любят. И о том, что в ту ночь я, возможно, могла умереть. Если бы я не сказала «нет», утром родители нашли бы в этой кровати моё тело. Для них это была бы трагедия, внезапная остановка сердца, необъяснимая детская смерть. От этого осознания мне не стало грустно. Я обняла подушку и улыбнулась.

– Они вовсе не Тени, – подумала я. – Они – Огни.

Те, кто приходили за мной, никуда не исчезли. Они просто остались ждать меня за порогом, когда я закончу здесь все свои дела.

Мои дела. Моя прекрасная будущая жизнь.

Глава 2

ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ

Когда я впервые приехала в Швецию, мне было тридцать два. Стоял январь. Вокзал Гётеборга встретил меня холодом. Навалилась дикая усталость, вымотавшая до предела, и страшно хотелось спать. Накинув капюшон пуховика, я попыталась вздремнуть на скамейке внутри вокзала.

Рядом со мной сел парень. Он выглядел невзрачно: то ли бездомный, то ли чернорабочий. От него не пахло плохо, он не был грязным, но он был странным: смотрел вперёд, глупо улыбался и бормотал что-то себе под нос, разговаривая сам с собой.

В какой-то момент я поняла, что он обращается ко мне.

– Я вас не понимаю, – ответила я по-английски, демонстративно отворачиваясь.

Он посмотрел мне прямо в глаза, улыбнулся и сказал на английском:

– Тебе холодно.

Он снял свою шапку и протянул её мне.

– Возьми мою шапку.

Я отодвинулась.

– Нет, спасибо.

Но он продолжал настойчиво протягивать её: «Возьми, возьми».

Меня это разозлило. «Вот, только этого мне не хватало, – с раздражением подумала я, – не успела приехать в Швецию, как начались какие-то непонятные знакомства».

Я встала и пересела на другую скамейку. А когда через минуту обернулась – на той скамейке уже никого не было. Он просто исчез.

Поезд из Гётеборга мчал меня в Стокгольм, и я впервые видела шведскую землю: снег, красные домики, деревья, людей. В тот момент у меня мелькнула мысль: Швеция уже никогда не отпустит меня.

Из Стокгольма я сразу уехала дальше – в маленький городок за 200 километров от столицы. Там находился йога-центр, где мне предстояло прожить четыре недели в качестве волонтера.

Был вечер, шёл густой снег. На автобусной остановке меня встретил один из волонтеров – высокий седовласый датчанин. Увидев меня, он сложил руки в приветственном жесте «намасте». Он взял мою тяжёлую сумку и положил в багажник. Я заметила ярко-красную тикку у него на лбу.

Мы ехали недолго.

Возле главного входа меня ко мне вышла Джейн – менеджер. Она была похожа на прекрасную белую кошечку: нежная, грациозная, лучившаяся каким-то особенным участием. Ей было всего двадцать пять, но я сразу заметила в ней организаторский талант и ту редкую надёжность, которая отличает настоящего соратника в развитии духовных практик и поддержании атмосферы доверия.

Я обратила внимание на то, как несколько человек бродили в одиночестве по улице – они ходили в разных направлениях в полной тишине, медленно и сосредоточенно.

Джейн подошла ко мне, раскачиваясь из стороны в сторону:

– А у нас тут «молчаливый» ретрит. Мы очень тихо вот так вот ходим, – она беззвучно рассмеялась, прикладывая указательный палец к губам. А потом указала на людей вокруг: – Это наши гости.

Она обняла меня.

– Я так рада твоему приезду. Я уверена, что это место для тебя и ты проведёшь здесь особенное время.

Смысл «молчаливого» ретрита заключался в том, чтобы полностью отключиться от городского шума и остаться наедине с собой под мягким руководством наставника.

Это была своего рода аскеза – осознанный отказ от слов ради того, чтобы услышать собственные мысли. Люди не просто молчали, избегая контактов; они уходили в глубокое размышление, и каждый находил в этом безмолвии что-то своё, важное и исцеляющее.

Мы, волонтеры, в это время старались быть почти невидимыми. Мы двигались бесшумно и говорили только шепотом, чтобы не нарушить хрупкий покой гостей. Ретриты бывали разными, но мой первый оказался именно таким – строгим и сосредоточенным.

Через два дня время практики подошло к концу – йога-центр мгновенно взорвался живыми голосами, музыкой и смехом. Гости смеялись, наслаждаясь оживлённой беседой за прощальным обедом в столовой.

Центр располагался в удивительном месте: гостей встречали статные деревянные ворота с резным названием, к которым вели аккуратные дорожки. Сердцем центра был просторный «vandrathem» – длинное здание с множеством уютных комнат. Внутри было скромно, но продумано до мелочей: удобные душевые и безупречный порядок.

Кухня и столовая стояли особняком. Там всегда пахло чем-то пряным и вкусным, а прилегающая гостиная напоминала музыкальную шкатулку – на стенах висели диковинные инструменты. Рядом располагался большой светлый зал для медитаций. Чуть поодаль среди деревьев прятались небольшие домики: малый зал, жильё для менеджеров и хозяев.

Среди волонтеров были люди со всего мира разных возрастов. Очень контрастные – по социальному статусу, менталитету и взглядам на жизнь, – они, тем не менее, быстро выстраивали рабочую коммуникацию и личные контакты. Работа была несложной – четыре-пять часов в день, остальное время мы были свободны и принадлежали сами себе.

Хозяева часто были в разъездах, но их присутствие всегда наполняло место особой энергией. Хозяин центра совершенно не походил на типичных «гуру», которые старательно выстраивают образ просветлённости. Он был профессионалом с отличным менеджментом и глубоким пониманием философии йоги, но при этом оставался земным и достойным человеком. Он знал каждого волонтера по имени и по вечерам классно играл на гитаре – мы много пели вместе. И хотя среди волонтеров порой случались обычные человеческие трения, его участие и такт всегда помогали сохранять баланс.

В центр постоянно приезжали наставники и учителя из разных стран. Во время ретритов здесь становилось особенно оживлённо – приезжало много гостей, в основном из Стокгольма, и это общение всегда приносило что-то новое.

Иногда мы ходили в сауну на берегу озера. Самые смелые окунались в ледяную прорубь – после жара парной это было непередаваемое ощущение чистоты и восторга.

Казалось, всё было наполнено магией.

Мы постоянно смеялись. Еда была великолепной – профессионально приготовленные веганские блюда, разнообразные соусы и роскошные десерты. Что бы мы ни делали – готовили ли комнаты для гостей центра, или работали на кухне – мы делали это вместе, помогая друг другу даже после того, как свои обязанности были выполнены. По вечерам мы сидели в сауне, а потом гадали на метафорических картах в общей гостиной. Иногда я доставала свои карты Таро и делала расклады другим волонтерам.

– Это «Звезда», – сказал Маркус, когда я разложила карты. – Значит моё желание сбывается.

Маркус – тридцатилетний мужчина из Португалии – тёмный, высокий и статный.

– Да подожди ты, куда торопишься, – я задумчиво разглядывала остальные карты в раскладе.

– Есть сомнения? – настороженно спросил Маркус. – Эх, столько вопросов и так мало ответов!

– Не люблю «Звезду», – призналась я. – Тянет от неё какой-то неопределённостью.
– А давай я тебе погадаю? Сейчас ты о-о-очень удивишься! – Он с довольным видом тасовал колоду метафорических карт. – Я тоже умею это делать! Загадывай!

– Загадала!

Маркус закрыл глаза, поводит ладонью над колодой.

– Я что-то чувствую... – прошептал он.

Все присутствующие прыснули со смеху.

– Сбудется! – открывая глаза, объявил Маркус.

Я засмеялась:

– Ты же не доставал карту!

– Сбудется! – повторил он, широко улыбаясь и отставляя колоду в сторону.

Фейруз

Фейруз приехала через пару дней после меня. Роскошные, густые чёрные волосы, большие тёмные глаза. Она была родом из Марокко, но уже много лет жила во Франции.

Общение в центре было преимущественно на английском, но они с Маркусом часто разговаривали то на французском, то на португальском, а потом легко переходили на английский.

«Смотрите-ка, – шептались между собой другие волонтеры, – как быстро они нашли общий язык».

«И не один», – улыбаясь, думала я.

Я часто уходила в лес, забиралась в самую глубь и разговаривала с деревьями и духами этого места. В нашем постоянном смехе, лесных прогулках и тепле общей кухни я чувствовала себя очень счастливой.

Я и Фейруз быстро подружились. Она приехала всего на одну неделю, и мы не могли с ней наговориться. При любой возможности мы старались быть вместе, спеша стать ближе друг другу.

Однажды я случайно пропустила ужин. Забыла про время, гуляя в лесу. В тот вечер было много гостей и стол ломился от яств. Все особенно налегали на десерт: роскошный веганский торт. Когда я пришла, столы уже были убраны.

Я зашла на кухню, чтобы поесть. На столе я увидела большой контейнер с наклейкой. На ней было моё имя. В контейнере лежало всё самое вкусное, что подавалось в тот вечер, включая большой кусок торта. На кухню зашёл один из волонтеров. Увидев меня, разглядывающую содержимое контейнера, он сказал: «Фейруз отложила это специально для тебя, а то тебе бы ничего не досталось».

Андерс

Андерс вошёл в дом для гостей, когда я мыла пол в одной из комнат. Высокий мужчина с дорожной сумкой.

– Добро пожаловать, – сказала я, не поднимая глаз.

Он обернулся, чтобы поблагодарить, и в этот момент я почему-то подумала: «Он здесь из-за меня». Это была обычная будничная мысль, но она не оставляла меня несколько дней.

Он выглядел молодо, хотя был вынужден признаться, что старше меня на двадцать один год.

Он жил в Стокгольме, но был родом из Даларны – самого сердца Швеции.

Андерс был гостем йога-центра, но часто проводил время с волонтерами. Мы затрагивали темы на грани эзотерики и магии, пытались разгадать, как работают древние ритуалы в современном мире. В один из таких вечеров, когда разговор зашёл о знаках судьбы, Фейруз бросила невзначай:

– Если чёрный кот перебегает дорогу – это к удаче.

Когда я оставалась одна, я постоянно думала о странном чувстве к Андерсу. Во мне поселилась тоска, смешанная с тревогой. Я никогда не испытывала такого раньше. С моим бывшем

мужем всё было по-другому: я точно знала, что я влюблена в него без памяти, это было светлое, яркое чувство. Но то, что я испытывала к Андерсу, было каким-то тёмным, тяжёлым и болезненным. Я не могла понять, что со мной происходит.

В день его отъезда я подошла к его комнате. Дверь была открыта настежь. Он собирал вещи.

– Уже уезжаешь? – спросила я, глядя как он складывал постельное бельё стопкой.

– Да, – ответил он отстранённо.

Я поняла, что разговор у нас, похоже, не сложится.

– Что ж... – сказала я перед тем, как развернуться и уйти, – может быть, мы встретимся с тобой в следующей жизни.

Я пошла по коридору. Он вышел следом.

– Что ты имела в виду под «следующей жизнью»? – он нагнал меня почти у выхода, заставив остановиться.

Я не ожидала, что он пойдёт за мной и не знала, что ответить.

Он стоял и смотрел на меня молча.

– Ну, раз уж в этой жизни мы больше не увидимся, – сказала я наконец, – то может в следующей будем вместе.

– Верить в реинкарнацию? – он чуть склонил голову, пытаясь понять, насколько я серьёзна.

– Надо же чем-то себя успокаивать, – я выдавила подобие улыбки, стараясь перевести всё в шутку.

Андерс улыбнулся.

– Всего хорошего тебе! – он сделал шаг назад, засовывая руки в карманы джинсов, словно прямо сейчас проводил между нами невидимую черту.

– И тебе, – я отвернулась первой, не давая ему заметить, как меняется моё лицо.

Я вышла в прихожую общежития, стала обуваться, чтобы выйти на улицу и вдруг заплакала. В этот момент с улицы зашла Фейруз.

– Ты что, милая? – встревоженно зашептала она.

Увидев, что я плачу, она крепко меня обняла.

– Я больше никогда его не увижу, – сквозь слёзы сказала я.

– Как не увидишь? – не поняла Фейруз. – Он остаётся на завтрак.

– Я не могу смотреть на то, как он уезжает, – я отвернулась к окну и вытерла слёзы. – Пойду погуляю.

Андерс подошёл сзади и прижал нас обеих к себе.

– Как я рад, что встретил вас, девочки, – его голос прозвучал совсем рядом, когда он сомкнул вокруг нас свои руки.

Я чувствовала его дыхание так близко, но это не радовало меня. Его объятие было дружеским, что-то вроде: «Бро, как здорово, что ты с нами в одной команде».

Я ушла в лес и долго бродила меж сосен. Возвращаясь в центр, я заметила, что дорогу мне перебежала чёрная кошка. Первым порывом было развернуться и пойти в обход через лес, но в голове вдруг всплыли слова Фейруз: «Это к удаче». Я продолжила идти вперёд.

Навстречу мне ехала машина. Андерс притормозил и вышел.

– Куда ты убежала? Я хотел позавтракать с тобой, – он оставил дверцу машины открытой и сделал несколько шагов в мою сторону.

– Мне что-то нехорошо, – ответила я честно.

Он подошёл и крепко обнял меня.

– Теперь тебе лучше? – спросил он, не разжимая рук и слегка покачивая меня как ребёнка.

– Да, – прошептала я в его куртку. – Но этого мне недостаточно.

Он рассмеялся.

– Я оставил тебе свой номер телефона, – сказал он, возвращаясь в машину. – На кухонной двери, на доске.

Зайдя в столовую, я первым делом ринулась к кухне. Цифры, аккуратно выведенные мелом, были на месте. Я с облегчением выдохнула.

– Медита-а-ация! – громко проговорил Маркус, увидев меня возле кухни, застывшую со странной улыбкой. – Пошли!

Мы медитировали около часа.

– Вдо-ох... А теперь вы-ыдох... – я слушала мягкий голос Джейн и думала о тех заветных цифрах на доске: «Андерс оставил свой номер телефона для меня. Он сделал это для меня».

Я блаженно улыбалась, подставляя свое лицо солнечному свету из окна.

После медитации я схватила свой телефон и сразу же написала сообщение. Перед отправкой я показала написанное Фейруз.

– Нормально? – я была взволнована.

– Ты что! Нет конечно! – Фейруз уверенно забрала у меня телефон и стала корректировать текст.

– Теперь норм, – сказала она, протягивая мне мобильник.

– О, так действительно лучше, – согласилась я, увидев, что она написала: в отличие от моего её текст был спокойным и сдержанным.

– Ты сейчас на взводе, – сказала Фейруз. – Не делай резких движений.

Обычно большой зал для медитации жил своей шумной жизнью: гости, ретриты, волонтеры у пианино. Но в тот вечер пространство принадлежало только нам. Фейруз забронировала этот зал, чтобы провести время со мной.

В неверном свете зажжённых свечей привычные стены раздвинулись и стали нашим временным убежищем, оставив нас на острове из двух тёплых пледов. Мы сели напротив друг друга. Она взяла меня за руки и произнесла: «Ты не представляешь, как я рада, что встретила тебя».

Мы дышали глубоко.

Она мягко коснулась моего лица. В этом жесте была абсолютная нежность женской дружбы, в которой нет места соперничеству или непониманию. Мы разложили карты, но это не было гаданием в привычном смысле – без суетного любопытства о будущем. Это был акт совместного духовного зрения. Мы не просто смотрели на символы, мы вглядывались в самую суть вещей, разделяя одно видение на двоих.

Потом мы долго гуляли в лесу. Совсем скоро Фейруз возвращалась во Францию – её короткий отпуск заканчивался, нужно было выходить на работу. Она очень грустила.

– Ты сможешь приехать сюда снова, – успокаивала я её.

– Всё будет уже не так, – ответила Фейруз, прижимаясь своим телом к стволу дерева.

Она наклонила голову, как будто дерево говорило с ней, а она пыталась расслышать его слова.

– Другие люди... Не будет тебя, не будет Маркуса... Этот момент волшебный, и его уже не повторить, – в её словах я слышала горечь.

– Будут другие моменты, – сказала я, взяв её за руку. – Много. И все они будут волшебными, обещаю.

«Премиум-тариф»

С того дня, как я написала Андерсу, он звонил и писал мне каждый день.

Комната Фейруз находилась рядом с моей. Их прощание с Маркусом затянулось.

– Чёрт, я слышу их, – я покосилась на общую стену и понизила голос, надеясь, что мне не придётся стать свидетельницей чего-то слишком личного.

– Они влюблены, – по ровному тону Андерса было ясно, что чужая романтика его ни капли не смущала.

На следующее утро Фейруз уехала.

А я засобиралась в Стокгольм на выходные. Андерс сказал, что заедет за мной, отвезёт в город и привезет назад в йога-центр.

– Ты уже купила билет до Стокгольма? – спросила меня одна из волонтерок. – Лучше покупать заранее, тогда выходит дешевле.

– Андерс приедет за мной, – ответила я без задней мысли.

– А назад? – она уставилась на меня с внезапным интересом.

– Он привезёт меня назад.

– Вау, – протянула она, и на её лице расплылась понимающая улыбка. – Вот это сервис! Её реакция показалась мне забавной.

– Ты уже купила билет до Стокгольма? – спустя какое-то спросил меня уже другой волонтер.

– Андерс отвезёт её! – донеслось из соседней комнаты.

– А назад?

– И назад тоже! – повторил всё тот же голос.

– Вау! Вот это сервис! – отозвалось уже из кухни.

Все догадывались, к чему всё идёт, и не упускали случая добродушно подколоть меня.

Маркус, сияющий от восторга, подошёл ко мне рано утром.

– Марианна, у нас с тобой есть что-то общее! – сообщил он мне, не отрывая от меня своих счастливых глаз. – Как ты думаешь, что это?

– М-м-м, дай-ка подумать, – сказала я, приставив указательный палец к губам.

Я понятия не имела, о чём он.

– Думай, думай! – подзадоривал меня Маркус. Ему явно не терпелось что-то мне сказать.

– Мы оба гадаем на картах, – размышляла я вслух.

– Нет, не это! – Маркус продолжал сиять.

– Окей, что же тогда? – я строила догадки. – Мы оба... это что-то из еды?

Маркус отрицательно качал головой, широко улыбаясь.

– Нет? – я шутиливо развела руками, признавая поражение. – Тогда сдаюсь!

– Мы с тобой оба любим Фейруз, – сказал он наконец.

Он указал пальцем на себя и на меня:

– Ты и я. Оба.

Я вдруг почувствовала к нему такое огромное тепло и нежность. Я обняла его.

– Конечно, – тихо сказала я ему, крепко сжимая пальцы на его плечах. – Мы оба любим её.

Стокгольм

«Я здесь», – написал мне Андерс. Было шесть утра, все ещё спали. Прочитав сообщение, я накинула на себя кофту и выскочила в коридор.

Он стоял там.

Я бесшумно подбежала к нему, но остановилась. Он протянул мне руки ладонями вверх, и я послушно накрыла их своими. Мы, не отрываясь, смотрели друг на друга. Затем он уверенно притянул меня к себе и стал целовать. Его поцелуи были острыми и жадными. «Я пропала», – вихрем пронеслось у меня в голове.

Это было чувство, когда внутренний навигатор сбоят, и единственным ориентиром становится неровное дыхание того, кто крепко держит тебя сейчас. Этот сладкий шторм внутри заставляет совершать нас немислимые поступки, превращая страсть в безумство, а свободу – в рабство.

В машине он крепко взял меня за руку и держал до самого Стокгольма. Я сильно волновалась, то и дело поглядывая на него, но он лишь мягко улыбался в ответ и выглядел настолько уверенным, что эта уверенность невольно передавалась и мне.

Он снял для нас номер в гостинице. Там было просторно, пахло хорошим парфюмом и свежим текстилем, а из огромных окон во всю стену открывался вид на залив и крыши старого города. Ничего лишнего – сдержанный стиль, мягкий глубокий свет и огромная кровать, на которую хотелось затащить его прямо с порога.

– Почему ты не хочешь показать мне, где ты живёшь? – удивлялась я. – Зачем платить за номер в то время, когда целая квартира пустует?

– Ненавижу это место, – ответил Андерс, глядя куда-то в сторону.

– Почему? – я правда не понимала. – Это из-за воспоминаний о твоей бывшей жене?

Андерс развёлся давно. Его бывшая жена Эльза умерла два года назад. Их общая с Эльзой дочь жила в квартире покойной матери.

– Не знаю, – сказал он неуверенно. – Просто терпеть не могу свою квартиру. Какая-то странная энергия. Я чувствую себя там плохо.

– Но не будем об этом, – улыбнулся Андерс и снова взял меня за руку. – Ты со мной, и это главное.

В ту ночь мы легко читали друг друга, переводя сложные шифры наших желаний на самый простой и честный язык в мире. Каждое прикосновение Андерса ощущалось мной как правильный ответ на вопрос, который я даже не успела задать. Этот поток первобытной близости стёр границы между «я» и «он». Это была чистая, беспримесная химия, когда перестают существовать время и условности, чужие голоса и собственные запреты.

Мы гуляли по старому городу. Было холодно. Январский ветер с залива прошивал узкие улочки Гамла Стана насквозь. Но всё же это был не тот степной, лютый холод, к которому я так и привыкла в Астане, прожив там несколько лет.

Проголодавшись, мы зашли в ресторан поблизости.

– Как здесь дорого, – прошептала я ему, разглядывая цены в меню.

– Не смотри на цены, – галантно улыбнулся Андерс и слегка пододвинул свой стул ближе к моему, показывая, что вечер полностью под его контролем.

Он протянул мне свою руку через стол. Я сделала тоже самое. Люди за соседними столами без стеснения пялились на нас.

Пока мы ели и пили, Андерс о чём-то рассказывал. В какой-то момент он замолчал. Он сложил свои ладони, опустил голову и сидел так несколько секунд. Потом он посмотрел на меня, улыбнулся и взял мою руку.

– Что ты делал только что? – спросила я с большим любопытством.

– Ты подумаешь, что я сумасшедший, – ответил Андерс и скромно опустил глаза. – Люди не верят мне. Не понимают!

– Я понимаю, – заверила я его, чтобы он видел, что я не собираюсь над ним смеяться. – Ты же знаешь.

– Хорошо. Расскажу тебе, – сказал он и как-то обречённо вздохнул. – Я вижу умерших. Тех, кто не может сделать переход. Я помогаю им.

– Каким образом? – я наклонилась ближе, ожидая подробностей.

Не то чтобы я не верила в подобные вещи – скорее наоборот. Но мне была нужна конкретика.

– Молось, – он снова сложил свои ладони. – А потом – ш-ш-ш! – Андерс раскрыл ладони и посмотрел наверх. – Они уходят. Я отправляю их к вечному свету!

Он довольно улыбался, производя на меня особенное впечатление своим даром.

– Откуда ты знаешь, – засомневалась я. – Может, ты отправляешь их в вечную тьму?

Андерс посмотрел на меня с лёгким снисхождением:

– Конечно, к свету! Я вижу тёмное.

– Как?

Мне нужно было знать точно.

– Они пытаются мне навредить, – он увёл тему куда-то в сторону, словно отвечал на свои собственные мысли, а не на мой вопрос.

Нет, я не думала, что увиливает от прямого ответа – я правда считала, что мы не совсем понимаем друг друга.

– Кто пытается тебе навредить? – не унималась я. – И как они делают? В чём конкретно это выражается?

Он снова взял меня за руку.

– Я не обычный человек, Марианна, – сказал он, поглаживая мою ладонь. – Я здесь для другого.

В этот момент в нём проснулся наставник, привыкший нести знание, которое другим не под силу.

– Для чего? – спросила я, не скрывая своего изумления.

– Помогать людям. Нести им свет. Просто поверь: Тёмные среди нас. Но ты светлая. Я вижу людей, – многозначительно выдал он.

– Всех?

– Всех. Абсолютно всех, – Андерс продолжал гладить меня по руке. – Есть и хорошие люди. Сами по себе они не были тёмными. Но знаешь... Медицина, вакцинация делают своё грязное дело.

Я подумала, что ослышалась.

– Что, прости? Медицина и вакцинация? – я не была уверена, что понимаю его правильно.

– Да, вакцины, – грустно ответил Андерс. – Вакцины – огромное зло. И врачи участвуют в этом.

– Но благодаря вакцинации человечество выжило, – я старалась говорить как можно нейтральнее. – Ты же получил все прививки в детстве?

– Мои родители были необразованными, – он перевёл взгляд на окно, и в его голосе проступила застарелая обида.

– Но у тебя ведь тоже нет соответствующего образования, – сказала я, ставя под вопрос его экспертность.

– Ты говоришь так, потому что ты не понимаешь меня, – Андерс сразу как-то сник, медленно убирая свою руку. – Никто не понимает! Все считают меня сумасшедшим!

– Ну что ты, нет, – я крепко сжала его ладонь. – Я просто очень любознательная, и я испытываю к тебе... сам знаешь. Мне нужно знать, что с тобой происходит.

Андерс стал мягче и смотрел на меня с нежностью. Остаток вечера мы провели, избегая разговоров на спорные темы.

Я старалась не думать о его странностях, но внутренне ждала подвоха. У меня было стойкое ощущение какой-то лжи, но я не могла этого объяснить.

На обратном пути Андерс ехал медленно, стараясь растянуть время. Когда до йога-центра оставалось совсем немного, он сбавил скорость до двадцати километров, и машина едва ползла по дороге.

Потом он просто остановился. Мы оба тянули до последнего, не желая прощаться, и всё не могли нацеловаться. Андерс пообещал, что как только моё пребывание в центре закончится, он сам отвезёт меня на ферму под Упсалой, куда я собиралась ехать дальше. Мы договорились, что это будет наш следующий маршрут.

Глава 3

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ФАСАДА

«Женский круг» в йога-центре – это всегда что-то особенное. Женщины собираются вместе, пьют какао и чай со сладостями, создавая ощущение единства, которого так часто не хватает.

В тот вечер мужчины полностью освободили нас от дел и сами занялись ужином. Было непривычно и очень приятно наблюдать, как они хозяйничают на кухне, пока мы отдыхаем.

Мы устроились в большом зале. В полумраке горели свечи, а на полу кругом лежали метафорические карты. Рядом стояли чашки с какао и тарелки с печеньем. Нас было человек десять, включая Джейн.

Мы медитировали и тихо говорили о своём. Фоном играла песня на английском – очень мягкая, о женской дружбе и поддержке. Музыка лилась, и в полумраке наши лица приобрели ещё более мягкие очертания. Мы разделились по парам, чтобы сделать друг другу массаж, а под конец, в каком-то общем порыве, долго лежали на полу, крепко обнявшись. Тихое ощущение безопасности, когда другие женщины принимают тебя, просто потому что ты – одна из них.

Утро перед отъездом из йога-центра прошло легко. Андерс приехал из Стокгольма и присоединился к завтраку с волонтерами. В какой-то момент они с Маркусом ушли в зал для медитаций. Андерс хотел показать ему свои «способности»: как он читает ауру, лечит руками и видит прошлые жизни. Я не стала им мешать.

Когда они вышли, Маркус довольно поднял большой палец.

– Он невероятный, – поделился он своим впечатлением от сеанса с Андерсом.

Мы долго и тепло прощались на парковке, а потом выехали в сторону Уппсалы.

Ферма оказалась гораздо дальше, чем я думала – чтобы добраться до неё, пришлось отмахать почти триста километров. Андерс был рад, что он со мной, иначе я бы потратила кучу сил и денег, пытаясь добраться до этой глуши в одиночку.

Приехали уже в темноте. Хозяин – дружелюбный пожилой швед, очень худой и высокий – стал показывать нам дом, который достался ему от родителей.

Всё было очень старым и запущенным. В доме было очень холодно. Старинная мебель смотрелась красиво, но комнаты для волонтеров были пугающими: матрасы на кроватях были в каких-то сомнительных пятнах, повсюду налипшая грязь, туалеты в жутком состоянии.

Поскольку других волонтеров на тот момент не было, я могла выбрать любую комнату. Мы с Андерсом замерли в проходе одной из них. Глядя на это убожество, он вдруг начал щекотать меня за шею:

– Марианна! Кажется, в этой постели ты будешь не одна.

Намёк на насекомых был слишком очевидным.

Хозяин повёл нас в хлев к коровам. Оказалось, что мой день должен начинаться в пять утра. Никакой автоматики: чтобы напоить животных, нужно было тянуть тяжеленный шланг через весь двор от самого дома. Работа тяжёлая, грязная. Выяснилось и то, что готовка и топка печи в рабочие часы не входят – это шло «бонусом» к основным обязанностям.

Я стояла в полном шоке, понимая, что не хочу здесь оставаться. Андерс сразу заметил мою растерянность. Он прижал меня к себе и шепнул на ухо:

– Я тебя здесь не оставлю.

Хозяин сразу всё понял – мы даже не стали выгружать мои вещи. Он предложил нам чай. Мы согласились и какое-то время весело и непринуждённо болтали с ним на кухне. Потом мы вежливо попрощались и уехали.

На обратном пути в Стокгольм Андерс сказал:

– Даже если бы ты решила остаться, я бы вернулся за тобой на следующий же день.

Мне было очень приятно, что он переживал и заботился обо мне.

– Я бы похитил тебя оттуда, – смеялся он. – Встал бы под твоими окнами и крикнул: «Марианна, прыгай в машину!». Ты бы бросила свои вещи, а потом я бы поймал и тебя, – Андерс развёл руки в стороны, изображая, как бы он меня ловил.

– Ты ж мой рыцарь! – хвалила я его, прикасаясь к его лицу, словно награждая за отвагу.
– Поживи пока у меня, – предложил Андерс. – Я покажу тебе город, поедем по Швеции.

А там решишь – ехать к сестре в Чехию или сразу домой в Казахстан.

Андерс жил на севере Стокгольма в Хессельбю. У него были деньги – наследство от умершей матери, которое позволяло ему не работать, долго медитировать по утрам и строить планы на «вот-вот» наступающую трудовую жизнь, которая так и не случалась. Он был в свободном плавании, но, как оказалось, «плавал» он уж очень долго.

Сначала он сказал мне, что работал в семейном бизнесе – его отец и ближайшие родственники изготавливали лошадок Дала и продавали в сувенирных лавках. Потом он сказал, что «занимается машинами» – чинит их и перепродаёт.

У него действительно было несколько машин, и я наивно подумала, что он готовит их на продажу. Но он совсем не занимался ими, а некоторые из них и вовсе находились в доме его отца в Даларне. Андерсу нравилось ездить на разных машинах и мы часто гоняли по ночным трассам, слушая музыку.

«Коляска между нами»

Его квартира была воплощением шведского минимализма, превращенного в паранойю. Обычный кухонный гарнитур, стол, стулья – всё казалось нормальным, пока я не присматривалась к деталям. Например, к отсутствию микроволновки. Андерс верил, что её лучи «прошивают нашу ауру насквозь».

Я проснулась и не обнаружила его. Это было чудесное утро, когда внутри всё пело и плясало. Я приготовила завтрак. К тому времени я получила от него сообщение: он медитировал на берегу озера, не стал меня будить, и скоро будет. Я смотрела в окно, наблюдая за двором – мне так хотелось не пропустить момент, когда он будет возвращаться. И вот я увидела его: он шёл от парковки к подъезду. Я распахнула окно настежь и крикнула ему: «God morgon!». Он замедлил шаг, не сводя с меня восхищённых глаз.

Наша страсть сводила нас с ума. Но это не было просто влечением – это было что-то страшное и тяжёлое.

Однажды вечером Андерс рассказал мне о своём видении.

– Знаешь, несколько лет назад у меня было видение, – начал он издали.

– Какое? – я придвинулась ближе.

– Я видел женщину. Очень молодую, стройную, с тёмными волосами. Она стояла напротив меня, – он заговорил почти шёпотом, словно заново разглядывал эту картину прямо перед собой.

– И что она делала? – я затаила дыхание, боясь спугнуть его откровение.

– Она протягивала мне свои руки. Я протягивал ей руки в ответ. Между нами стояла детская коляска, – Андерс прервался, переводя взгляд на мои волосы, и этот короткий контакт стоил тысячи слов.

Он не сказал прямо, что хочет ребёнка именно сейчас и именно со мной, это не было планированием будущего. Но в том, как он описывал ту женщину, я поняла, что он говорит обо мне.

«Вот он, самый древний зов, – подумала я, – когда организм решает, что именно от этого человека должно быть продолжение моего рода. Природа ослепляет нас, превращая обычное влечение в жажду воссоздания».

В такие моменты мы не рассуждаем логически, а просто подчиняемся этой огромной силе, которая гораздо старше и сильнее нас самих.

Рамеш

У Андерса были хорошие друзья – и это была большая ловушка. Когда тыходишь в чей-то дом, где царит покой, порядок и чудесная атмосфера, ты невольно переносишь это на того, кто тебя туда привёл. Глядя на его окружение, я верила, что и он – нормальный.

Я ещё не знала того, что эти люди расскажут мне позже. О том, что человек, которого они знают тридцать лет, фактически никогда не работал. Что если он и пробовал когда-то, то не задерживался нигде дольше пары лет. Я не знала слов его покойной бывшей жены, которая называла его самым безответственным человеком, который никак не участвовал в судьбе собственной дочери.

Но тогда я видела только фасад. Друзья смотрели на меня с вежливым любопытством – для них я была очередной странной женщиной, выбравшей их очень странного друга. А мне хотелось верить в удачу: я только приехала в Швецию и сразу встретила «своего». Мне казалось, что у нас химия, общие темы, глубокое понимание. Я думала, что ему просто не везло, что он не встретил ту самую, ради которой захочется осознать всё и, наконец, начать работать.

Я хотела его спасти. Но всё для него было злом: медицина с врачами и вакцинами, успешные люди, которые работали и имели бизнес, счастливые семьи с крепкими социальными связями. Я не сразу заметила, как его страхи и паранойя стали раздражать меня, и отбрасывала свои чувства в сторону, как досадную помеху. И это старательное игнорирование того, что я испытываю на самом деле, в последствии едва не раздавило меня.

В один из холодных зимних дней я познакомилась с Рамешем. Рамеш был старым другом Андерса, человеком совершенно иного масштаба. Он родился в Индии в состоятельной семье и ещё в детстве переехал в Лондон вместе с родителями. Его отец был индусом, а мать – англичанкой. Бывший спортсмен, музыкант, учёный – он когда-то работал в университетской команде над созданием лекарств и был воплощением рациональности. Ему было семьдесят, но в нём было много энергии и жизнелюбия: ежедневные тренировки и активная социальная жизнь.

При Рамеше Андерс даже не смел заикаться о вреде медицины или о тех безумных теориях, которыми он сводил меня с ума, когда мы оставались наедине. Рамеш был для него неоспоримым авторитетом, фигурой, перед которой он невольно подтягивался и замолкал.

Рамеш и его самбо Лариса накрыли для нас стол. Лариса приехала в Швецию из России много лет назад, и я говорила с ней по-русски.

– Какие красивые у вас картины, – сказала я Рамешу, разглядывая его полотна на стенах гостиной. – Давно рисуете?

– всю жизнь, – просто ответил тот.

В его голосе не было хвастовства.

– Андерс говорил, что ты пишешь музыку? Я тоже когда-то писал, – поделился он.

– Очень интересно, – обрадовалась я. – Давайте делиться!

– С удовольствием! – подхватил Рамеш и подошёл к своему компьютеру, который стоял здесь же, в гостиной. Он включил одну из своих композиций.

Чистый женский голос пел красивую песню под аккомпанемент гитары.

– Ну как? – сгорая от нетерпения, спросил Рамеш.

– Чудесно! – ответила я без тени лукавства. – Кто это поёт?

– Моя племянница! – с гордостью заявил он. – А музыку и слова написал я сам!

– Потрясающе! Правда! – я была приятно удивлена.

– Теперь твоя очередь! – задорно сказал Рамеш.

Я включила одну из своих песен на телефоне.

– Марианна, это прекрасно! Прекрасно! – хвалил меня он, внимательно вслушиваясь в мелодию. – Я – музыкант, знаю, о чём говорю!

– Спасибо большое, – улыбнулась я. Мне было очень приятно.

– Голос у тебя красивый, – анализировал Рамеш, – и музыка такая приятная. Ты – талантнице!

– Пойдём поворкуем? – предложила мне Лариса. – А мужчины пусть пока пообщаются без нас.

Пока Рамеш и Андерс разговаривали в гостиной, мы с Ларисой уединились на кухне. Она с воодушевлением рассказывала свою историю: как десять лет назад познакомилась с Рамешем по интернету, как он организовал её переезд из России и полностью обеспечивал, пока она учила шведский.

– Это было замечательно, – с ностальгией вспоминала она, – он всё сделал для меня, оказал огромную поддержку.

У Рамеша была чудесная жизнь, и со стороны их семья казалась вполне благополучной. Но вдруг Лариса сменила тон. Она наклонилась ко мне и быстро затараторила:

– Ты давай, хватайся за Андерса! Он поможет тебе, вытянет.

Я опешила, не совсем понимая, к чему она ведёт.

– Что именно вы имеете в виду? – я была в полнейшем замешательстве.

– Не отпускай его! Схватила – и держи крепко! – наставляла она.

Я чувствовала, как внутри меня растёт сопротивление. Все эти разговоры о «захвате» и «удержании» были глубоко чуждыми мне.

– Лариса, у меня к Андерсу чувства, – ответила я, пытаясь перевести разговор на то, что действительно важно.

Но она будто не слышала.

– Давай-давай! Раз уж нашла здесь мужчину, нужно цепляться за шанс! Сделай всё, чтобы он поскорее перевёз тебя сюда! – Лариса лишь снисходительно качала головой, явно списывая мои слова на «юношеский максимализм», и решительно вычёркивала из нашего уравнения такие глупости, как любовь и романтика, за их полной экономической неэффективностью.

Рамеш стоял в центре своей гостиной, чуть отодвинув кресло, чтобы освободить место. Он двигался легко, свободно, в отличие от Андерса.

– Расслабь плечи, Андерс, ты же не скала, – Рамеш сделал лёгкий выпад и мягко выбросил руку вперёд. – Сила идёт не из зажатых кулаков – она идёт от ног, через весь корпус. Смотри, переноси вес.

Андерс попытался повторить, тяжело топнув ногой и шумно выдохнув, отчего его удар выглядел ещё более неуклюжим.

– Опять зажался, – добродушно подправил его Рамеш. – Локоть ближе к телу, удар резче – раз и назад. Вот так. Попробуй ещё раз.

Андерс оставался грузным и неповоротливым, но в этом общении он как-то внутренне преображался. Я смотрела на них двоих и думала: раз такой человек, как Рамеш, дружит с ним столько лет, значит, в Андерсе точно есть то доброе и надёжное, что я так отчаянно пытаюсь в нём разглядеть.

Я не понимала тогда, что дружба – это часто просто привычка людей, а не свидетельство качества души и человеческой порядочности.

Эльза

Брак Андерса распался давным-давно, когда его дочь ещё была совсем крохой и едва научилась ходить. Его бывшая жена Эльза умерла от тяжёлой болезни через несколько лет после их развода.

– Она была напугана, – снисходительно рассказывал мне Андерс. – Пришла советоваться. Я сразу её предупредил: к врачам не ходи. Медицина – это зло, это химия, она убивает дух. Врачи сделают только хуже.

– А что она? – спросила я, приготовившись услышать, как Эльза сразу обратилась к врачам.

– Она согласилась со мной. Приходила ко мне на медитации каждый день. Я лечил её своими руками.

Он выразительно посмотрел на свои ладони, будто они действительно имели тепло целительской энергии.

Я не знала, как реагировать и просто слушала.

– А дальше что?

– Ты не представляешь, как она тут орала, – он недовольно поморщился, словно этот крик до сих пор стоял у него в ушах. – Пришла в один день, начала высказывать претензии. Кричала, что ей становится хуже, что я её обманываю. А потом так хлопнула дверью! Истеричка.

– Андерс, – осторожно спросила я, – сколько времени ты «лечил» её медитациями?

Он отвёл взгляд. Его лицо приняло выражение «святой забывчивости».

– Ну... – он неопределённо махнул рукой. – Несколько месяцев. Или около года.

Он сказал это так легко, будто речь шла о подгоревшей еде на плите, а не о времени, которое было жизненно необходимо его бывшей жене, чтобы выжить.

Я видела, что в нём шевелится что-то похожее на вину, но это была не та вина, которая ведёт к искуплению. Это было раздражение из-за того, что его идеальная картина «гуру» дала трещину. Похоже, он вовсе не раскаивался в том, что лишил её шанса на спасение.

Только потом я поняла, что он злился на то, что этот случай с Эльзой напоминает ему о его собственной человеческой ничтожности.

Она потеряла год. Драгоценный год, когда врачи могли всё исправить. Она могла бы сейчас ходить по этим улицам, смеяться, радоваться жизни, быть со своим ребёнком.

Даже спустя годы после их развода он продолжал удерживать над ней странную, мистическую власть. Почему она была так покорна? Он запретил ей обращаться к врачам, а она послушно приняла это.

Она заподозрила неладное слишком поздно.

Глава 4

ВЫБОР

Я часто вспоминала тех, кто приходили за мной. Они знали о том, что меня ждёт: такой себе «выбор без выбора». Сожалела ли я о том, что осталась? Нет. Мне хотелось знать, что будет дальше. Здесь, на Земле, где красивые сказки о родственных душах и высшем предназначении так легко разбиваются о самую примитивную, грязную жестокость.

Всё происходило за закрытыми дверями нашего дома. Мой взрослый брат, пока родителей не было, расхаживал голым, выставя себя напоказ и демонстрируя мне абсолютно тупое бесстыдство. Это было очень противно, я уходила куда-то, чтобы этого не видеть. Иногда он делал мне массаж или сразу раздевал меня. Сексуализированное вторжение в границы ребёнка, который ещё не знал слов для обозначения зла. Как объяснить его действия взрослым, если само прикосновение к этой теме вызывает жгучий стыд? Стыд – это самый мощный кляп.

Один раз он попытался изнасиловать меня и я стала кричать. Он меня отпустил. Сказал, что позже он покажет мне «что-то». Я с тяжёлым сердцем ожидала, что ещё он там может мне «показать». Но больше он меня не трогал.

Я думаю, что если бы тогда кто-нибудь спросил меня об этом, я бы всё отрицала.

Я ничего не рассказала родителям. «Брат – это близкий человек. Родители его любят», – примерно так я рассуждала в свои девять лет. В этом возрасте у ребёнка ещё нет категорий «насилие» или «преступление». Есть только шок и ощущение, что происходит что-то грязное и неправильное. Когда зло исходит от того, кто «свой», мозг блокирует информацию, чтобы не сойти с ума. «Если я об этом не говорю, значит, этого не было» – решила я.

К тому же я видела, что мои родители были поглощены своими штормами, и постаралась сделать всё, чтобы не стать для них ещё одной проблемой. Сама того не понимая, я оберегала их покой ценой собственного детства, не желая, чтобы они несли на себе груз вины за то, что

«не досмотрели» или «допустили это». Это было моё первое взрослое решение – спрятать свою рану глубоко внутрь, чтобы случайно не ранить тех, кого я любила.

Позже брат уехал в Европу по линии своего родного отца, осел в тихом, уважаемом городе и построил там ту самую жизнь, о которой всегда мечтал, изредка приезжая в Казахстан проводить маму и старых друзей. Мне приходилось общаться с ним и постоянно делать вид, что «всё в порядке».

То, что между нами происходит что-то «неладное», не оставалось без внимания окружающих, но по-настоящему это стало заметным только с годами.

«Ты опять с ним сцепилась?» – недовольно спрашивали родственники и друзья.

Я всегда этому поражалась.

«Пора бы уже стать умнее», – советовали они мне.

«Вам не кажется, что это странно, что в любом конфликте мне всегда говорят быть «умнее»? – недоумевала я. – Вообще-то это он старше меня на одиннадцать лет, а не наоборот».

«У тебя такой хороший брат!» – только и слышала я в ответ.

«Прекрасный сын, чудесный отец, верный друг и интеллеktуал» – от всевозможных хвалебных од, которыми награждало моего брата всё наше окружение, создавался стойкий образ святого.

А что я?

По мнению этих же людей я была всего лишь «амбициозной, чрезмерно эмоциональной, испорченной любовью родителей эгоисткой с отвратительным характером, думающей только о своём комфорте».

Спорить с ними было бесполезно. В их глазах он всегда был идеальным, а я – «так себе человеком». В итоге мой брат вырос беспринципным, ленивым, законченным эгоистом, свято верящим в свою абсолютную правоту.

Постепенно я перестала делать вид, что хоть как-то рада нашему родству, но на это потребовалось много времени. Он понимал, что я не хочу общаться с ним, но вместо того, чтобы оставить меня в покое, он ехидно подкалывал меня тупыми шуточками, рассказывая всем подряд, какая я «избалованная дрянь с претензиями по жизни». Его рыло было по макушку в дерьме, но вместо того, чтобы заткнуться, он намеренно очернял и портил мою репутацию – не в открытую, а за моей спиной, – пока я молчала и прикрывала его преступление. Он пользовался моим стыдом, сделав меня «соучастником» в этой тайне.

Он не знал наверняка, но догадывался, что я всё помню. Я хранила это знание как заряженное оружие, и этого было достаточно, чтобы он затаился на какое-то время.

Со временем я стала говорить о том, что произошло, со своими близкими подругами. Это вышло случайно. Как-то раз мы просто сидели в кафе, пили пиво и неторопливо вели беседу. Под лёгким хмелем барьеры всегда становятся тоньше, и слово за словом я впервые решилась озвучить то, что носила в себе годами.

Пока я говорила, подруга слушала меня молча, но в какой-то момент по её щекам покапали слёзы – от этого внезапного, оглушающего сочувствия и шока, который всегда накрывает, когда узнаёшь такую правду о прошлом тех, кого искренне любишь.

– Знаешь, я долго молчала, – сказала я, глядя на заплаканное лицо подруги. – А сейчас поняла: я рассказываю тебе об этом опыте не для того, чтобы ты начала со мной возиться или как-то по-особенному беречь. Это просто факт моего прошлого, который я переросла. По крайней мере, мне хочется в это верить.

Подруга молча кивнула, а потом крепко меня обняла.

– Тебе не страшно, что это... ну, как-то изменит то, как люди видят тебя? – осторожно спросила она.

– Не знаю, но я не хочу этого «клейма насилия», – честно ответила я. – Не хочу, чтобы оно определило всю мою дальнейшую жизнь. Никакие травмы не имеют права диктовать мне

дорогу. Я точно знаю, что имею право на счастье. Хотя, конечно, иногда прошлое всё равно тянет за рукав. Пытается вернуть в тот холодный угол, где я пряталась ребёнком.

– И как ты с этим справляешься, когда оно тянет? Работа со специалистами?

– Да, постепенная, – вспоминала я, как только начинался этот мой путь к исцелению. – И наша с тобой честная дружба, способность просто не врать себе и миру – это делает своё дело. Я до сих пор верю людям, верю их историям. Но сейчас мне важнее другое. Мне хочется понять, где проходит грань.

– Какая грань? – подруга сидела рядом и крепко держала меня за руку.

– Невидимая грань между настоящим и... нет, не враньём или фантазиями, – я пыталась объяснить то, о чём я часто думала. – Между чистой правдой фактов и правдой травмы. Потому что травма – это ведь не искажение реальности. Часто – это её обострение. Иногда правда и травма сплетаются в такой тесный узел, что их уже невозможно разделить.

В один из вечеров мы с Андерсом были как-то по-особенному близки. Мне захотелось открыться ему, как когда-то я открывалась своим подругам, и я рассказала о том, что случилось со мной в детстве. Через что мне пришлось пройти.

Андерс слушал внимательно, а потом спросил:

– Но ведь проникновения не было? Он тебя не насиловал по-настоящему?

«По-настоящему»? Его вопрос меня подкосил.

– Ты точно меня слушал? – моём голосе проступил холод.

Он пожал плечами:

– Ну, знаешь, многие женщины переживают истории похуже, и ничего – живут как-то.

– «Как-то»? Ты понятия не имеешь, как они живут! И я не принимаю участие в соревновании «чья история хуже», – ответила я резко, пытаясь на корню обрубить эту попытку обесценить мою боль. – Чужой опыт не отменяет того, что произошло со мной.

Андерс помолчал какое-то время, а потом вдруг печально сказал:

– В моей жизни тоже было нечто очень тяжёлое.

Я напряглась. Его родители были добрыми и трудолюбивыми людьми. Они обожали Андерса и его сестёр и никогда не обижали их. Я приготовилась сочувствовать большой беде.

– Знаешь, – произнес он с глубокой грустью, – мои родители... они ведь никогда, абсолютно никогда не покупали книг.

Я ждала продолжения.

– И?

– Что «и»? Каково это – жить в доме без книг? Ты хоть знаешь, как тяжело мне это далось? – спросил он голосом обиженного ребёнка.

Я смотрела на него и не понимала, шутит он или нет.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что даже если тебя не бьют, не насилуют и родители работают, в жизни всё равно может быть нечто плохое! Например, тот факт, что в доме нет книг!

– Да им просто некогда было их читать! – взорвалась я.

– Им некогда, а мне каково?! – он сорвался на агрессивный фальцет, будто я только что лично сожгла его воображаемую библиотеку. – В твоём доме были книги?!

У моего отца действительно была огромная библиотека.

– Ну вот! – с триумфом заявил Андерс. – У тебя были книги, ты росла среди образованных людей, поэтому ты меня и не понимаешь!

Я не верила своим ушам. В его словах было столько цинизма и подмены понятий.

– А что мешает тебе покупать их сейчас? – спросила я прямо, отказываясь играть по правилам его абсурдной драмы. – В твоей квартире сейчас нет ни одной книги. Если ты так страдал в детстве, что мешает тебе читать теперь?

Андерс не нашёл что ответить. Он обиделся и не разговаривал со мной.

Маятник настроений

Андерс мог часами дуться на меня. То он закрывался в комнате, погружаясь в медитацию, и просил его не беспокоить. То, стоило мне только заняться своими делами – открыть книгу или созвониться с подругами, – он тут же начинал мешать. Он буквально ходил вокруг меня кругами, всячески демонстрируя, что ему скучно.

Мне становилось всё сложнее улавливать его бесконечные смены настроения. Быть деликатной меня страшно выматывало, потому что от этого не было отдыха. Напряжение стало постоянным фоном, но приходилось изо всех сил удерживать это хрупкое равновесие в общении с ним.

Однажды утром ему было совсем плохо. Он сидел и раскачивался, как маятник. Сказал, что ему нужно срочно поехать на озеро и помедитировать. Я не хотела оставлять его в таком состоянии, и мы поехали вместе. Место было чудесное: залив, синяя вода, яркое голубое небо, и рядом – заснеженный лес. Сказочное зимнее утро в Стокгольме.

Пока он медитировал, я гуляла среди деревьев. Мир был восстановлен – пусть хрупко, но всё-таки восстановлен. Когда мы вернулись в машину, внезапно позвонила Фейруз. Мы начали разговор как обычно: привет, как дела?

– Я хочу тебе кое-что показать, – загадочно улыбнулась она.

Мы с Андерсом придвинулись к экрану, и в этот момент там появилось улыбающееся, светящееся от счастья лицо Маркуса. Я завизжала от восторга. Я кричала так громко, что Андерс закрыл уши, но молчал. Он понимал, что я безумно счастлива за подругу.

Оказалось, Маркус прилетел к Фейруз, и теперь они были вместе. Это счастье, которое испытывала моя любимая подруга, и Маркус, который тоже успел стать мне близким человеком, будто бы выровняло всю ту тяжёлую атмосферу, что скопилась между мной и Андерсом.

– Заедем к Джону, – сказал мне Андерс после того, как мы закончили наш телефонный разговор с друзьями.

Мы остановились у какого-то здания. Джон – старый друг Андерса, в это время работал, но выскочил на несколько минут поздороваться с нами. Он не говорил по-шведски. Мы перекинулись парой вежливых фраз, и я села обратно в машину.

– Она такая молодая, – Джон озадаченно почесал затылок.

Окно в машине было открыто, и я слышала их разговор с Андерсом прямо позади автомобиля.

– Будь осторожен, – негромко произнёс тот с таким видом, словно выдавал другу секретные инструкции по обращению со взрывоопасным веществом.

Мне стало очень неприятно. Мы едва познакомились, но Джон уже счёл нужным предостеречь Андерса от «опасности» и призывал к бдительности.

Но всё оказалось не так плохо. Уже вскоре Джон и его жена пригласили нас на ужин в свой загородный дом.

Они встретили нас очень тепло. Стол ломился: горячее, закуски, вино. Дом был большим и очень светлым, обставленным со вкусом – современная мебель, картины. Всё вокруг, от интерьера до близости озера, выдавало место, созданное с любовью.

Кое-где ещё шёл ремонт, поэтому остаться на ночь мы не могли – комнаты для гостей были не готовы. Но дом мне всё равно очень понравился.

Мы ужинали в просторной уютной гостиной. Прямо над массивным деревянным столом низко свисали стильные дизайнерские лампы – лаконичные чёрные конусы с тёплым, золотистым свечением изнутри. Они отбрасывали мягкие ровные круги света на тарелки, оставляя углы комнаты в приятном полумраке.

Но главной деталью, собиравшей весь стол воедино, были подсвечники. Тонкие, изящные, разной высоты – они походили на застывшие стебли из цветного стекла: бутылочно-зелё-

ного, дымчато-серого и глубокого янтарного. В них ровно горели длинные, непривычно яркие свечи.

Хозяйка расставила их не в ряд, а живописными группами между блюдами, создавая лёгкий праздничный хаос. Огоньки свечей двоились и дрожали в бокалах с вином, отражались в глянцевой керамике посуды и заставляли простую домашнюю еду выглядеть так, словно мы сидели в дорогом ресторане.

Я увлечённо рассказывала о своей работе в Казахстане, делилась планами на творчество и яркими впечатлениями о Швеции. Джон потянулся к бутылке, но Андерс перехватил его взгляд и едва заметно качнул головой.

– Марианне можно, – улыбнулась хозяйка дома, протягивая бутылку с вином, чтобы обновить мой бокал.

– Мне тоже очень нравится Швеция, – Джон полностью разделял мой восторг от пребывания в этой прекрасной стране. – Когда я только приехал сюда первый раз двадцать лет назад...

Он заулыбался, вспоминая то время.

– Помнишь? – обратился он к супруге.

Она взяла его за руку:

– Конечно, помню. И ты почти сразу встретил меня, – она доверчиво опустила голову ему на плечо.

Я ела не торопясь, наслаждаясь моментом. Сыр мягко таял во рту, а в сочетании с красным вином вкус становился ещё более невероятным.

– Что ж... – вдруг сказал Андерс. – Всё было очень вкусно. Но нам уже пора.

Он отодвинул стул и встал.

– Пробки на мосту, сами знаете, – пояснил он. – Если сейчас не выедем, встанем намертво.

Я застыла от неожиданности. Джон удивлённо перевёл взгляд с Андерса на меня:

– Да ладно тебе, Андерс, ещё даже восьми нет, – мягко проговорил он. – Куда вы торопитесь? Посидите ещё часок-другой. Я покажу Марианне свою мастерскую.

– Надо ехать, – резко ответил Андерс. По его тону было件нятно, что спорить бесполезно. Он уже стоял у меня за спиной, и я физически ощущала его нетерпение. – Пойдём, – это было адресовано уже мне.

В воздухе повисла дурацкая пауза, когда всем вокруг становится неловко за одного человека.

Хозяйка дома среагировала первой. Она натянута, но тепло улыбнулась:

– Ничего страшного! Главное, что заглянули.

Она подошла ко мне и слегка приобняла:

– В следующий раз посидим подольше.

– Конечно, – поддакнул Джон, поднимаясь, чтобы проводить нас до дверей. – Выкатим гриль на заднем дворе. Андерс, слышишь? Чтобы в следующий раз никаких «нам пора».

– Идёт, – бросил Андерс, уже натягивая куртку в прихожей.

Всю дорогу до Стокгольма я молчала. Андерс сердито посмотрел на меня:

– Ну вот, ты вечно всем недовольна.

«Секретные материалы» Хессельблю

Вечером мы сидели на кухне. Не смотря на то, что наша встреча с его друзьями закончилась так нелепо, я старалась расслабиться и не заикливаться на плохом. Мне казалось, что ничто не сможет испортить моё настроение сегодня ещё больше.

Андерс заговорил о своем друге Отто, который работал «на правительство». Я не встретила Отто, в это время он находился не в Швеции.

– А чем именно он занимается? – спросила я, поддерживая разговор.

Реакция была неожиданной. Андерс резко приложил палец к губам:

– Тссс!

Он вскочил, схватил мой телефон и унёс его в другую комнату. Когда он вернулся, его лицо было лицом заговорщика, который только что спас нас от облавы.

– Правительство следит за нами через телефоны, – прошептал он, нависая над столом. – Мы не можем обсуждать такие вещи, когда они слушают.

– Андерс, – я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё похолодело, – какое дело правительству Швеции до нас? Что мы такого секретного обсуждаем на кухне?

Но логика была бессильна. Он продолжал шептать о слежке, о коварстве системы, о том, что Отто – часть огромного механизма. В этот момент голос разума внутри меня отчётливо произнёс: «Перед тобой душевнобольной человек». Но близость, которая уже успела прорасти между нами, этот гормональный туман и нежность к нему, заставили меня искать оправдания.

– Послушай, – я всё ещё старалась говорить спокойно. – У тебя есть какой-нибудь диагноз? Тебе врачи что-нибудь говорили об этом?

Андерс изменился в лице. Сначала попытался отшутиться:

– Ну вот, ты как все... Ты тоже меня не понимаешь.

А потом пришла злость.

– Ты эгоистка. Вместо того чтобы принять мою точку зрения, ты спрашиваешь о диагнозах. Ты такая же, как остальные!

– По-твоему быть «здоровым» – это верить в заговор? – спросила я, не позволяя ему переложить вину на меня.

– Ты не понимаешь меня! – в его голосе упрёк и обида боролись с яростью.

– Так объясни нормально! – требовала я.

– Ты всё воспринимаешь неправильно! – он встал из-за стола и с силой задвинул стул, разрывая наш диалог.

– Я внимательно слушаю тебя, – я встала за ним. – Но мне нужна ясность. Мне не нравятся абстрактные объяснения!

– С тобой никогда не происходило ничего подобного! – теперь Андерс говорил свысока, словно вещал с трибуны перед неразумной паствой. – Как и с остальными! Вот ты и не веришь мне!

– С чего ты взял, что это происходит только с тобой? – спросила я, сразу заметив, как ловко он поменял тему с «правительственного заговора» на его «дар и способности».

– То есть ты хочешь сказать, что ты тоже что-то видишь? – недоверчиво спросил он, всем своим видом показывая, что мою жалкую попытку «сравняться» с ним он раскусил в ту же секунду.

Руслан

Стояло душное лето, окна были открыты настежь. Моему сыну было пять, мы спали вместе. Он не мог уснуть из-за жары и долго ворочался. Из сада в темноту комнаты едва-едва тянуло ночной прохладой, и Руслан просто лежал, глядя на темнеющий проём окна.

Прямо там, посреди этой привычной домашней обстановки, сквозь шторы вплыла женщина в белом – полупрозрачная и невесомая. Она медленно подошла к кровати, склонилась надо мной и долго смотрела на меня спящую, пристально вглядываясь в моё лицо.

Руслан страшно испугался и начал меня трясти:

– Мама, мама, проснись! Там тётя!

– Спи, сынок, – пробормотала я спростонья, обнимая его. – Это просто плохой сон. Тебе приснилось...

Но это был не сон. Женщина в белом стала приходиться почти каждую ночь. Сын плакал, прятался под одеяло, а она всё стояла надо мной, изучая моё лицо, словно проверяя, всё ли со мной в порядке.

Однажды она пришла не одна. За шторами стоял кто-то ещё – неясный контур. Руслан заплакал, и тогда он услышал тихий голос того, второго:

– Он нас видит. Не пугай его.

После этого визиты прекратились. Как будто те, кто стоял за гранью, поняли, что их присутствие нарушает покой моего маленького сына.

– Как бы я хотел познакомиться с твоим сыном, – восхитился Андерс. – Удивительный ребёнок!

Стиг

Андерс вроде как хотел, чтобы я осталась в Швеции. Но это было такое «хотение» – скорее теоретическое. То, что я из страны, откуда в Европу нельзя просто приехать с чемоданом, что мне нужна виза, легальное основание для вида на жительство – он об этом задумывался, но как-то вскользь. Конкретного плана у него не было, но он пытался найти выход.

Для этого он вызвонил своего давнего друга – Стига. Швед, юрист в какой-то государственной конторе. Мы поехали к нему в гости.

Дом был из тех, старых, в престижном районе Стокгольма. Внутри – те самые маленькие лифты с кованой металлической сеткой, которые поднимаются с лёгким скрежетом. Квартира Стига оказалась настоящим музеем: большая, залитая светом, обставленная с тонким идеальным вкусом. На стенах – картины, антикварная мебель, вазы на тяжёлых тумбах.

Стиг жил один. Он был ненамного моложе Андерса, таким же одиноким, но куда более лощёным. Андерс так и светился гордостью, мол: «Смотри, Стиг, у меня молодая женщина, хоть и иностранка. Давай, придумай что-нибудь, чтобы она тут осталась».

– Располагайтесь, – Стиг галантно указал на кресла.

На столе уже ждали фрукты, кофе.

Я сразу отметила, что Стиг подошёл и аккуратно помог мне снять куртку. Просто жест, элементарная вежливость, но Андерс, при всей нашей близости, никогда не проявлял такой бытовой внимательности.

Мы сели за стол. Стиг заговорил на безупречном английском.

– По фактам, – он сложил руки «домиком». – Варианта три. Первый: рабочий контракт. Но для этого нужен надёжный работодатель, который захочет возиться с твоими документами. У тебя есть такие завязки?

– Конечно, нет, – я прекрасно знала этот расклад, поэтому предпочла сразу перейти к делу.

– Понимаю. Тогда второй путь: учёба. Ты поступаешь в университет, но ты не из ЕС, и это, в большинстве случаев, платно. Плюс – и это критично – нужна внушительная сумма на счету на всё время проживания. Ты же хочешь перевезти детей?

– Да. Я не собираюсь бросать их в Казахстане и вешать на родственников. Нам нужно легальное основание на всю семью, – я не оправдывалась, а просто констатировала факт.

– Тогда это деньги.

– Знаю, – я мысленно прикинула нули на воображаемом банковском счете.

– Третий путь: бизнес. Если у тебя есть действующее дело, клиенты в Швеции, оборот... Но, я так понимаю, это тоже не про тебя.

Стиг не сказал мне ничего нового. Я и сама знала эти правила. Но в воздухе повисло тяжёлое, произнесённое «четвёртое». Легализация через партнёра. В Швеции для этого даже не обязательно идти под венец – достаточно статуса «самбо», то есть совместного проживания. Но мы старательно обходили эту тему. Было предельно ясно: Андерс не собирается брать на себя такую ответственность. Он искал выход для меня, но за пределами своих личных границ.

– Да, ситуация непростая, – подал голос Андерс, попивая кофе.

– Я сказал как есть, – пожал плечами Стиг.

Встреча была чудесной, квартира – великолепной. Я смотрела на Стига и снова думала, что раз у Андерса такие серьёзные, уравновешенные друзья, значит, и он такой же. В который раз я пыталась убедить себя в том, что я всё делаю правильно.

Когда мы уже выходили в подъезд, Стиг подал мне куртку. Андерс, наблюдая за этим, усмехнулся:

– Я не такой галантный. Не приучен к церемониям.

– Спасибо, Стиг, – сказала я, застегивая молнию.

Мы вошли в лифт, и пока он медленно спускал нас вниз, Андерс спросил:

– Ты узнала что-нибудь новое?

– Нет, – честно сказала я.

«Тёмные здесь!»

Мы с Андерсом часто выходили поесть где-нибудь. В любое время, будь то завтрак, обед или ужин – он показывал мне разные места в городе. Но он никогда не бронировал стол, и мы могли долго искать, куда сесть в пятницу вечером, проходя один ресторан за другим. Когда наконец мы могли найти свободный стол в приятной атмосфере и с хорошей кухней, Андерс мог запросто сказать: «Это не то».

Я уже почти привыкла к его фразе «мне не нравится энергия здесь» и знала, что предлагать место абсолютно бесполезно – он мог найти его слишком «тёмным».

Как-то раз мы зашли в чудесный тайский ресторан – Андерс сам выбрал его, сказав, что он чувствует здесь «позитивную энергию». Но только мы приступили к трапезе, как он закрыл лицо руками.

– Что опять? – спросила я, подозревая, что он скажет.

– Тёмные здесь! – ответил Андерс, растирая лицо руками. – Они угрожают мне.

Я продолжала спокойно есть, думая о том, что сегодня он ни за что не испортит мне аппетит.

– Заканчивай быстрее, надо уходить! – раздражённо сказал он, жадно поглощая еду на своей тарелке. Его бокал с пивом был уже пуст.

– Мы только начали, – ответила я невозмутимо, отрезав очередной кусочек. Я отказывалась подстраиваться под его темп.

– Ешь быстрее! – он буквально изнывал от нетерпения, превращая наш ужин в эвакуацию из зоны бедствия.

– Я не могу так быстро есть и пить, – сказала я, взяв свой бокал с пивом и отхлебнув немного. – Я люблю есть медленно, наслаждаясь каждым кусочком.

Он наклонился ко мне:

– Видишь ту молодую женщину? – он кивнул в сторону официантки.

– Вижу, – я даже не повернула головы, не желая подыгрывать ему.

Но я знала, к чему все идёт.

– Они пытаются пробраться ко мне через неё, – он понизил голос до заговорщицкого шёпота, выдавая очередную порцию своего безумия.

– И как они могут это сделать? – поинтересовалась я, продолжая есть неспеша.

– Нам надо уйти! – он привычно включил режим «удобной» обороны, увиливая от прямого ответа.

– Ты сам выбрал это место, – напомнила я ему.

– Ну и что? – Андерс не видел противоречия. – Я же не знал, что они будут пытаться атаковать меня через неё!

Я посмотрела на ничего не подозревающую официантку – она разносила заказы по столам. Бедная девушка даже не догадывалась, что прямо сейчас за ней пристально наблюдает тот, кто решил, что в неё вселилась некая «тёмная сила», чтобы «навредить» ему.

Очередной вечер был испорчен.

В машине Андерс взял меня за руку.

– Я знаю, что ты не видишь, как я, – изрёк он поучительно. – Но так было надо!

Глава 5

ОЛЕНИНЫ ГОСПОДАМ ИНОПЛАНЕТЯНАМ!

Утро в свой день рождения Андерс поехал к Рамешу. Я не знала, что ему подарить, но идея пришла внезапно. Я нашла ближайший магазин «эзотерических товаров» и пока Андерс навещал друзей, отправилась туда. Я сразу заметила их – «золотая колода» египетского Таро. Очень красивые. Я подписала открытку: «From one magician to another» – Андерс будет в восторге.

Мы приехали в китайский ресторан где-то в центре старого города. Помещение ресторана было декорировано яркой восточной атрибутикой. Настроение было прекрасным.

Я заметила, что Андерс постоянно с кем-то переписывается, то и дело отвлекаясь от нашего разговора.

В конце концов я не выдержала: «Кто это?» Оказалось – бывшая.

Меня взяла злость – я ведь и правда ревновала. Чтобы замять конфликт и якобы вернуть мое доверие, он открыл переписку. Судя по сообщениям, за последние пару месяцев, ещё до нашего знакомства, их общение практически сошло на нет.

– О боже, если бы ты только её видела! – Андерс скривился так, словно его под дулом пистолета заставляли когда-то спать с этой женщиной. – Она такая жирная! Расплывшаяся, бесформенная туша.

Этот выпад мне очень не понравился, особенно учитывая тот факт, что сам он тоже не был худеньким.

– Ты – полная противоположность, – продолжал он, переключаясь на грубую лезть. – Знала бы ты, какая она кошмарная!

Я не удержалась:

– У тебя есть фото?

Он хранил несколько снимков: миловидная блондинка одного возраста с Андерсом – чуть полноватая, но совсем не такая, как он её описал.

– Она ведь не толстая, – возразила я, протягивая ему телефон.

– О, она ужасна! Секс с ней был таким отвратительным, что мне потребовалась психотерапия, чтобы прийти в себя после того, как я увидел её тело. Чудовищный опыт! – воскликнул он. Из него буквально фонтанировала злобная, мелочная мстительность.

Внутри меня всё перевернулось от отвращения к этому потоку помоев, но я заставила себя сохранить внешнее приличие.

– Если она тебе настолько неприятна, зачем ты хранишь её фото в телефоне?

– Мне плевать, могу и удалить, – он полоснул пальцем по экрану с таким видом, словно делал мне королевское одолжение, и тут же стёр снимки.

Пока он ходил в уборную, ко мне обратились двое парней за соседним столом. Темноволосые, не похожие шведов – скорее, выходцы из Восточной Европы. Слыша, что мы говорили по-английски, один из них спросил:

– Сестра, давно ты здесь?

Это «сестра» меня зацепило – так часто обращаются друг к другу цыгане. Во мне действительно была смешанная кровь. Я ответила, что приехала в Швецию просто в гости.

– Но почему ты не говоришь по-шведски? – поинтересовалась она.

– Я здесь недавно. Пока не знаю, останусь ли, – я пожала плечами, не вдаваясь в подробности.

Они закивали: если переедешь, учи язык обязательно.

В этот момент вернулся Андерс. Парни тут же замолчали. Он сел на свое место и прошептал:

– Не разговаривай с ними, это цыгане. Видимо, сразу признали в тебе свою.

«Просьба не бить Андерса»

В тот вечер всё начиналось красиво. Андерс улыбался, прижимал меня к себе, демонстративно подчёркивая, что мы – «вместе». Мне это нравилось. В его объятиях, в этой причастности друг к другу, я чувствовала себя значимой.

Сначала был бар – его выбор. Он заказал пиво – один, потом второй бокал. Следом пошла кола в жестяных банках, горы чипсов и шоколад. Я ничего не ела и не пила – я ждала ужина после кино.

– Классное место. Мы точно зайдем поужинать после сеанса? – спросила я, когда он допивал вторую кружку.

– Конечно, – он вытер пену с губ. – Обещаю.

Кино пролетело мимо меня. Какой-то дурацкий боевик. В течение полутора часов Андерс без остановки накачивался колой, хрустел чипсами, попкорном и жевал сладости. Когда фильм закончился, мы вернулись в тот же бар.

Я была очень голодна и наконец-то заказала еду.

На стол поставили массивную деревянную доску с мясным ассорти. В центре лежала запеченная картошка, вокруг неё – рёбрышки, куриные крылышки, сосиски – поджаристые, нежные и сочные, с характерным запахом дымка. Рядом в керамических плошках теснились горчица и густой томатный соус с зеленью. А завершал картину запотевший бокал холодного пива.

Мы сидели у панорамного окна, за которым затихала небольшая площадь – людей на улице становилось всё меньше, а внутри заведений жизнь, наоборот, только разгонялась.

Играла музыка, со всех сторон доносился гул голосов и звон бокалов. Бар был стильным и очень просторным: в соседнем зале, под низкими лампами, молодёжь азартно гоняла шары в бильярд. Слышался чёткий стук киев и внезапные взрывы смеха после удачных ударов. Это было идеальное место, чтобы почувствовать себя частью города.

– Нам нужно уйти отсюда, – вдруг бросил Андерс, отодвигая от себя пустой бокал. – Ты всё?

– Что это значит? Мы только что пришли. – Я недоумённо смотрела на него.

– Полтора часа назад. – Он посмотрел на экран телефона.

Было около одиннадцати вечера.

– Вот именно. Я только начала есть и хочу выпить ещё. – Я упрямо проигнорировала его нетерпеливый взгляд.

– Вторую кружку? – В его тоне слышался укор.

– Ну да.

– А не многовато ли? – спросил он с видом строгого трезвенника-наставника.

– Ты сейчас серьёзно? – я сделала большой глоток.

– Хорошо, – он процедил это сквозь зубы с улыбкой снисходительного одолжения. – Но потом мы уйдём.

– Окей, но дай мне время спокойно поесть. Не торопи меня, пожалуйста, – я пыталась удерживать голос в рамках цивилизованного диалога.

Андерс поднялся и прошёл к бару заказать пиво.

Я пыталась растянуть эти минуты, насладиться едой, шумом зала и интересным разговором с ним.

– Ты уже закончила? Нам нужно идти.

– Ты что, будешь считать каждые десять минут, пока мы здесь?

– Мне плохо!

– Андерс, ты выпил две кружки пива ещё до начала сеанса, и сейчас третью со мной.

– Я хочу домой. Мне плохо здесь, – его голос становился всё более раздражённым. – Какая ты эгоистка!

Волна негодования захлестнула меня:

– Это я эгоистка? – моё терпение лопнуло. – Ты выпил две кружки ещё до кино! И пока шёл фильм, ты накачивался колой, шоколадом и всем остальным! Ты уже забыл, сколько ты съел? Естественно ты не хочешь теперь ужинать, но дай мне спокойно поесть, прошу тебя!

– Я просто поверить не могу! – он почти кричал. – Ты... ты думаешь только о себе! Что ты за женщина?!

– Та, что хочет насладиться вечером, – я заметила, как сидевшая неподалёку девушка улыбнулась и слегка приподняла свой бокал в мою сторону. Я сделала то же самое.

– Ты меня не понимаешь, – завёл он свою любимую пластинку.

– О, нет, я как раз-таки понимаю тебя! – выпалила я. – Ты набил свой желудок всякой дрянью и тебе плевать, что мне...

– Ага! – крикнул он, будто уличил меня в чём-то. – Теперь ты переворачиваешь ситуацию!

– Это я переворачиваю? – я не могла поверить в абсурдность происходящего.

– Да-да! Твой излюблённый приём: всё перевернуть! – его интонация транслировала «праведный гнев разоблачителя». – Ты манипулируешь мной!

Я смотрела на свою еду, на это несостоявшееся чудо вечера, и чувствовала, как внутри закипает злость.

Я схватила свою сумку и выбежала из бара.

Он догнал меня на перроне. Я стояла, глядя на рельсы, слёзы жгли мои глаза.

– Ты сейчас такая злая, – обиженно сказал он, заглядывая в моё заплаканное лицо. – Я боюсь, что ты меня ударишь.

– Ты боишься, что я тебя ударю? – я снова не верила своим ушам. – Посмотри на меня и на себя, и ответь, кому из нас нужно бояться.

– Ты злая, – канючил Андерс.

– Ну мне не с чего быть доброй сейчас, – я даже не пыталась скрывать свои эмоции.

– Я за всё плачу! Этот поход в кино и бар дорого мне обошёлся! Ты неблагодарная! – он выложил свой последний, самый жалкий козырь, выставляя мне счёт за этот вечер абсурда.

Я не была просто гостьей в его доме. Я была женщиной, которая делила с ним постель и то, что скрывала от всего мира. Но я так устала от его выходок, что объяснять что-то больше не хотелось. Я просто зашла в квартиру, разделась, села на диван и устала в точку перед собой.

Он осторожно присел рядом. Кончики его пальцев едва коснулись моего плеча.

– Прости меня.

Конечно, я простила. Я очень старалась просто вычеркнуть из памяти его поведение, будто ничего и не было.

Когда мы оставались вдвоём, когда проводили в постели дни и ночи напролёт, постоянно смеялись и он любил моё тело – эти моменты были настоящими. В них была правда, которой не было в остальном. Но каждый раз, засыпая в его руках, я не знала, что ждёт меня утром и что он выкинет в следующий раз.

«Замри»

Это было тяжёлое утро. Проснувшись, я сразу увидела, что Андерс не в себе. Он метался из одной комнаты в другую, бегал по квартире, размахивал конечностями: то бил руками стены – естественно слегка, чтобы не сделать себе больно, – то дёргал ногами в разные стороны. Говорил, что у него болит голова, болят ноги, что ему плохо.

Мы снова решили поехать на озеро. Он долго медитировал там, а я сидела в машине, наблюдая за ним около часа. Он вернулся, но его состояние не изменилось. Я сразу это поняла, но всё равно спросила:

– Тебе лучше?

– Нет, – бросил он сухо, – мне плохо.

Мы ехали молча. В попытке поддержать его я спросила:

– Что именно и как именно у тебя болит?

Он стал говорить о своих невыносимых ощущениях, боли в голове.

– Вот у тебя такого нет! – упрекнул он меня так, будто я была виновата в его состоянии.

– У тебя этого нет, поэтому ты всё время спрашиваешь, сомневаешься, действительно ли я испытываю всё это! А мне плохо! Плохо, понимаешь?!

При этом его голос стал злым и агрессивным.

Я не выдержала и крикнула:

– Так обратись к врачу!

И тут в дикой ярости он стал бить по рулю:

– Ты не понимаешь меня! Не понимаешь меня! Не понимаешь меня!!! НЕ ПОНИМА-

ЕШЬ МЕНЯ!

Я отвернулась к окну, по щекам потекли слёзы. Я не выносила такой тяжёлый и громкий мужской крик. Хамство и грубость посторонних мужчин я пресекала очень быстро. Но когда дело касалось близкого мужчины, человека, которого я впустила в свою жизнь, – и этот мужчина начинал на меня кричать, я часто впадала в ступор, и не знала, что делать.

Не прошло и двух месяцев, как я и Андерс впервые встретились в том длинном коридоре йога-центра, но он уже вымотал мне все нервы. Я была на грани.

И даже после всего этого меня продолжало невозможно тянуть к нему. Закрываясь в комнате, я часто плакала. Андерс то подходил ко мне и начинал какой-нибудь бытовой разговор, то делал вид, что ему всё равно.

«Правильный» ответ

Арабские рестораны чем-то похожи на наши заведения в Казахстане: никакой сдержанности и экономии, столы ломаются от яств. Самые роскошные места, где чувствуется настоящий размах и избыток.

В тот светлый день к нашей компании – мне, Андерсу и Рамешу – присоединилась Зара. Старая подруга всей их компании, она когда-то приехала из Ирана и много лет проработала здесь юристом. Сейчас она была на пенсии, но всё ещё ориентировалась в миграционных законах Швеции. Андерс не оставлял надежды на «инсайт»: а вдруг Зара знает что-нибудь ещё?

Зара оказалась высокой, статной женщиной с проницательным взглядом. Она не утруждала себя намёками или долгими приглядываниями, и предпочла взять быка за рога, сбросив маску вежливости и задав вопрос с той прямоотой, какую обычно позволяют себе хозяева помещения:

– Итак, Марианна, скажи честно: зачем тебе Швеция? Ты здесь ради Андерса или у тебя какие-то другие планы?

Как и Стиг, слово «церемония» Зара, разумеется, прекрасно знала – но со мной предпочла обойтись без этих излишеств.

За столом ненадолго повисла тишина. Рамеш до этого сосредоточенно изучающий меню, поднял на меня глаза. Пришлось занять оборонительную позицию и приготовиться к оправданиям. Я знала, как мы выйдем со стороны: пожилой швед и молодая, хрупкая иностранка.

Я мягко взяла Андерса за руку:

– И то, и другое.

Зара чуть заметно усмехнулась.

– Что ж, это правильный ответ, – в её голосе прозвучало что-то похожее на снисходительное одобрение.

Мы набрали столько еды, что съесть это за один раз было физически невозможно. Мы с Андерсом переглянулись, понимая, что погорячились со своим голодным энтузиазмом, но останавливаться не хотелось.

– Есть ли у тебя бизнес? – Зара обращалась ко мне. – Нужен реальный доход и база клиентов здесь. Работа? Сама понимаешь... у тебя нулевой шведский.

– Учёба, – я назвала следующий пункт из своего короткого списка возможных решений.

– Учёба – это вариант, – согласилась Зара. – Но это деньги. Ты думала о грантах?

– Гранты – это для академически «продвинутых», я к этой категории не отношусь, слишком большая конкуренция. И если переезжать с детьми, в любом случае нужны деньги, иначе вид на жительство не одобряют, – я всё прекрасно понимала.

– Ну, я смотрю ты и так всё знаешь, – Зара недовольно поджала губы.

Она обратилась к Андерсу:

– Ничего нового, как видишь.

Наш обед подошёл к концу, и Андерс развёз всех по домам: сначала Зару, потом Рамеша. Я сидела на переднем сиденье и послушно улыбалась, борясь с неприятными мыслями. Меня задевало это высокомерное противоречие: они учили меня жизни в Швеции, рассуждали о моей независимости, но тут же заставляли оправдываться за роман с Андерсом. Логика железная: строй свою жизнь сама, Марианна, но не забудь доказать нам всем, что твои намерения чисты, карман Андерса тебе безразличен и ты не планируешь использовать его как трамплин для переезда.

– Чем планируете заниматься этим вечером? – задал дежурный вопрос Рамеш.

– Ну... – Андерс выдал интригующую паузу, словно готовил грандиозный анонс. – Марианна будет делать мне массаж!

– Тебе? Марианна? – Рамеша это откровенно позабавило. – С чего вдруг?

Я посмотрела на Андерса и заулыбалась.

– Марианна невероятно круто делает массаж, – хвастался Андерс, будто это достижение было его личной заслугой.

– В этом я как раз не сомневаюсь, – одобрительно закивал Рамеш.

Он обратился ко мне:

– Зачем ты будешь делать ему массаж? Он ведь не заслуживает.

– Видишь, – я перевела взгляд на Андерса, подхватывая эту волну дружеского подшучивания, – даже твой близкий друг считает, что ты не заслуживаешь массаж.

Выходя из машины возле своего дома, Рамеш сказал на прощание:

– Марианна, только не балуй его слишком сильно! – он шутливо погрозил пальцем и со смехом захлопнул дверь.

Даларна

Андерс часто говорил, что ненавидит Стокгольм. Он прожил здесь тридцать пять лет с того времени, как в восемнадцать впервые приехал сюда, и я не понимала, почему за эти годы он так и не нашёл здесь себе хоть какое-то применение. В конце концов, можно было давно вернуться в родные места, если столица вызывала в нём столько раздражения.

В итоге Стокгольм был ненадолго оставлен нами ради Даларны, где недалеко от Муры жил отец Андерса.

Мы превратились в кочевников. За окном машины бесконечной лентой тянулись леса и заснеженные холмы. Я окончательно потеряла счёт времени и названиям населённых пунктов, которые мы проезжали. Андерс всю дорогу крепко держал мою руку, переплетая свои пальцы с моими. Мы по очереди ставили нашу любимую музыку, спорили иногда, обсуждая политику.

– Знаешь с чего началась независимость Швеции? – спросил он на въезде в Муру. – Именно здесь один парень, Густав Васа, поднял народ Даларны против датского короля. Тот устроил кровавую баню в Стокгольме, казнил кучу знати, думал, что всех запугал. А Густав бежал сюда на лыжах.

– Ого! – воскликнула я, находясь под впечатлением от его рассказа. Изучать Швецию по историям, привязанным к месту, казалось куда интереснее, чем читать стандартные статьи в интернете.

– Именно! Он бежал из одного города в Муру на грани сил. Сначала его не послушали, но потом он заразил всех своим энтузиазмом. Деревня за деревней начали вставать против датчан. В итоге Швеция стала самостоятельной.

– Слушай, а как там дела у Джона? – за этим вопросом стояла неловкость за наш нелепый уход, которую я до сих пор в себе носила. Хотелось как-то всё исправить и просто увидеться с ним и его женой ещё раз.

– Он попросил у меня займы крупную сумму, – ответил Андерс неохотно.

– Насколько крупную?

– Пять тысяч евро.

Оказалось, что Джону нужно было срочно закрыть дела с домом, и он обещал отдать долг сразу после продажи машины.

– И что ты ему ответил?

– Ничего. Я не стал ему отвечать, – выдал Андерс свой главный «дипломатический» приём.

Они дружили столько лет, были по-настоящему близки, и теперь Андерс просто держал своего друга в неизвестности.

– Ты оставил его без ответа, в таком напряжении? Почему не сказать прямо, что опасешься за возврат денег? – меня откровенно возмутило это малодушие.

– Я не хочу ему писать, – холодно бросил он. – Я так решил.

Поразительно, с какой лёгкостью он это произнёс. Для него не существовало понятия помощи другу, если на горизонте маячил хоть малейший риск.

– Нечего было в кредиты влезать, – из него брызнул сытый, мещанский снобизм. – Я вот в долги не залезаю.

Я промолчала, чтобы не провоцировать очередную вспышку, но про себя отметила две вещи. Во-первых, Андерс жил на родительские деньги, не работая. А во-вторых, именно потому, что он не работал, ни один банк в мире всё равно не одобрил бы ему кредит. Было легко рассуждать о финансовой дисциплине, когда твоё благополучие и подушка безопасности создана чужими руками.

Мы приехали в Даларну в разгар Васалоппет – знаменитого лыжного марафона в честь того самого забега. Сначала мы заехали в Селен, откуда лыжники брали старт. После плотного завтрака в местном отеле мы отправились в Муру. Атмосфера была невероятная: над городом кружили вертолёты, снимая тысячи лыжников – от профи до любителей, которые в едином порыве преодолевали этот исторический путь.

Было дико холодно. Ветер пробирал до костей, и я то и дело пряталась за широкую спину Андерса. Он укрывал меня от ветра, и увлечённо комментировал происходящее.

Затем мы свернули с трассы и углубились в глушь, где в маленькой деревне, жил его отец.

Дедушка был очень старым, опирался на ходунки, но когда мы вошли, он из последних сил поднялся, чтобы встретить меня стоя.

– Привет, папа, – Андерс коротко обнял его. – Это Марианна.

Его отец говорил на одном из местных диалектов – я не понимала ни слова. Он протянул мне сухую, дрожащую руку и долго что-то объяснял, жестикулируя в сторону полок с коробками. Это были те самые лошадки Дала – символ Швеции. Он помогал племяннику, у которого

в округе было несколько сувенирных лавок с этими разноцветными коняшками – от крошечных недорогих до больших антикварных.

– Смотри, – Андерс перевёл мне, когда его отец вытащил из ящика одну из заготовок, – он говорит, что сейчас он болеет и не успел докрасить. Но он хочет, чтобы ты взяла это.

Дедушка вложил мне в ладони влажную, ещё не покрашенную деревянную лошадку.

–Таск... – с улыбкой сказала я, разглядывая сувенир.

В этом доме было много тепла, но я не могла не заметить: Андерс почти не заботился об отце. Повсюду стояли горы таблеток, за которыми следили сёстры Андерса, приезжавшие сюда постоянно. Сам же он был здесь гостем, хоть и любимым. Его отец просто был счастлив, что сын наконец «кого-то нашёл».

Вечером мы с Андерсом зашли в местный бар – поужинать и выпить по бокалу пива. В зале было почти пусто, если не считать пары мужчин за соседним столом.

Стоило нам войти, как мужчины уставились на нас, не скрывая любопытства. Они перешёптывались, глядя на то, как Андерс по-хозяйски приобнимает меня за талию.

– Ну вот, опять, – я устало вздохнула, морально готовясь к новой порции неуместного внимания.

– Что? – не понял Андерс, отодвигая стул.

– На нас смотрят, – я констатировала очевидное, надеясь, что он хотя бы сейчас уберёт свои руки.

Андерс повернулся к мужчинам, и те отвели взгляд, продолжая разговаривать.

«По крайней мере, мы не в Дании!»

Сразу после Вассалопета мы поехали в горы на запад страны. Андерс принципиально не использовал gps-навигатор из-за того, что «правительство отслеживает наши перемещения». Ещё месяц назад я бы пыталась его вразумить, надеясь посеять в нём хоть какие-то зачатки критического мышления. Но все мои логические доводы приводили лишь к очередному конфликту, а я так устала от этого, поэтому просто молчала.

По дороге в горы мы заблудились. Настолько, что в какой-то момент оказались уже в Норвегии.

– Ты видишь, куда мы едем? – я попыталась вернуть его к суровой географической реальности.

– Я знаю, куда мы едем, – упрямо возразил Андерс, включая режим знатока всего на свете. – По крайней мере, мы точно не в Дании. Если бы это было так, солнце садилось бы от нас справа, а не слева.

– Класс, – ответила я, отворачиваясь к окну.

Ещё часа два мы пытались найти дорогу в Швецию. Когда мы наконец приехали в отель, то были абсолютно вымотанными.

Это был дорогое место с роскошными домами вокруг. Андерсу позвонил Отто.

– Я пойду снимаю горы и дома, – сказала я, решив воспользоваться моментом, чтобы побыть в тишине. – А ты пока поговори с другом.

Андерс махнул мне рукой:

– Конечно, иди. Когда придёшь, мы поужинаем.

Я вышла на улицу к парковке – оттуда было очень удобно делать фото и видео. К тому же я оказалась абсолютно одна, никто не мешал мне делать красивые снимки. Было темно, и дома, расположенные на склоне горы, выглядели завораживающе. Никогда прежде я не бывала в таком прекрасном месте. Вернулась я минут через пятнадцать. Зайдя в номер, я сразу заметила, что что-то не так.

«Какая неожиданность», – иронично подумала я.

Но дело было серьезнее, чем я предполагала.

Андерс был ещё более не в себе, чем обычно. Он сидел на кровати, схватившись за голову.

– Что случилось на этот раз? – я заговорила с ним как с капризным ребёнком.

Он не ответил.

– Андерс?

Он поднял на меня глаза.

Его трясло.

– Я не понимаю, что происходит, – его голос сорвался на беспомощный хрип. – Я правда не понимаю.

Я почувствовала раздражение.

– Что именно ты не понимаешь?

Он посмотрел на меня.

– Пока ты была на парковке... Я разговаривал с Отто...

– И?

– Над тобой зависло НЛЮ.

Я смотрела на него:

– Что?

– Они были прямо над тобой, – слова полетели из него сбивчивым потоком. – Я видел это из окна. Я разговаривал с Отто, он всё слышал. Он не поверил мне, разозлился и бросил трубку.

– Что? – повторила я.

– Они были прямо над тобой, – он моментально ожесточился, защищая очередное своё «видение». – Я видел это, видел!

– Андерс...

– Они повисели и исчезли, – перебил меня он.

– Я стояла там, – спокойно сказала я. – Я ничего не видела.

– Потому что ты не видишь, – в его тоне снова прорезалось высокомерие.

– Или потому что этого не было, – ответила я твёрдо.

Я оглядела наш дорогой номер: большая кровать, потрясающий вид из окна, и тяжело вздохнула.

Андерс сидел на краю кровати и раскачивался из стороны в стороны, обхватив свою голову руками.

– Это плохой знак, плохой! Что всё это значит?! Что?!

– Пойдём ужинать, – я решила оборвать этот приступ идиотизма самым приземлённым способом. – Ресторан скоро закроется.

Свет в ресторане был приглушённым, через огромные окна шале открывался вид на горы, где в темноте светились огни канатных дорожек. В зале было много людей, стоял оживлённый гул, на фоне – мягкая музыка.

Нам принесли ужин. Я заказала мясо оленины с густым соусом из клюквы.

– Тебе нравится еда? – Андерс протянул свою руку через стол и прикоснулся к моей ладони.

– Очень. Мне всё нравится. Спасибо, – я смотрела на него с надеждой, что мы просто проведём этот вечер по-человечески.

Казалось, ситуация забыта, а напряжение между нами наконец-то спало. Я попыталась наслаждаться временем в чудесном месте, не думая о том, что всё это может в любой момент оборваться из-за очередной нелепой мелочи.

Вернувшись в номер, мы не разговаривали о том, что произошло два часа назад. Андерс, как и прежде, прижимал меня к себе. Засыпая, я услышала его тихий шёпот:

– Это был плохой знак.

Глава 6

НЛО И ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ ДЛЯ РАССТАВАНИЯ

Вскоре мы вернулись в Стокгольм. Всю дорогу мы по-прежнему слушали хорошую музыку, и Андерс крепко сжимал мою руку. Целуя мою ладонь, он смотрел на дорогу, и мне казалось, что всё наладилось.

Я проснулась рано утром: солнечный зимний день слепил сквозь шторы. Андерса рядом не было.

Я прошла на кухню, поставила варить кофе.

– Андерс, ты дома? – крикнула я.

Он не ответил. Я прошла в гостиную и увидела его в той же странной позе, что и в отеле несколько дней назад: он сидел, закрыв лицо руками и раскачивался как маятник.

– Доброе утро, – тихо сказала я.

Он посмотрел на меня. В его взгляде читалось отчуждение. Я чувствовала, как напряжение снова возвращается в моё тело, но старалась говорить спокойно:

– Всё в порядке?

– Нет, не всё! – он опять был раздражён.

Я медленно подошла к нему и дотронулась до его плеча.

Андерс с неприязнью отодвинулся:

– Не трогай меня!

– Да что случилось? – спросила я, в очередной раз пытаюсь пробиться сквозь глухую стену.

– Ты должна уехать, – выдал он, отворачиваясь.

– Куда? – спросила я, пытаюсь уловить логику в его хаотичных мыслях.

– В Чехию, – твёрдо сказал Андерс. – Возвращайся к своей двоюродной сестре.

Я не стала спорить.

– Я уеду. У меня рейс через две недели, – напомнила я ему.

– Нет, – он озвучил это так легко, будто избавлялся от случайной, залежавшейся на полке вещи. – Ты уедешь немедленно. Даю тебе пару дней. Ищи ближайший рейс до Праги и уезжай из моего дома. Я больше не хочу тебя видеть.

Я медленно развернулась и ушла.

Я прошла в комнату, взяла свой телефон. Я ничего не видела перед собой – то была пелена от слёз.

Открыв сайт с билетами на автобус, я купила билет на ближайший доступный рейс из Стокгольма до Праги.

Андерс не разговаривал со мной и постоянно скрывался в комнате, прикрыв дверь.

Батарейка на моем телефоне села. Я не сразу заметила это. Вспомнив, что моя зарядка осталась в комнате, где находился Андерс, я тихо прошла по коридору. Лампа мягко освещала прихожую. Я попыталась открыть дверь в его комнату, но не смогла войти: дверь была заперта изнутри.

– Андерс, мне нужна зарядка. Почему ты запер дверь? Открой, пожалуйста, – попросила я и стала дёргать ручку.

Андерс молчал.

Я наклонилась над его дверью, ощущая ледяной холод внутри. Мне казалось, что мне ещё никогда не было так больно.

– Пожалуйста, открой дверь.

Он не открыл.

Я повернулась, чтобы уйти в комнату, и вдруг услышала тихий шёпот: «Уходи». Это не был голос Андерса – это были стены его квартиры, мебель, каждый предмет. Они не были

живыми и не умели разговаривать, но я слышала это в их молчаливом отчуждении. Всё, что я видела, всё, к чему я прикасалась, теперь выдавало лишь одно – его нежелание видеть меня здесь.

На следующее утро я обратилась к нему первой:

– Я завтра уезжаю. Ближайший рейс, как и ты хотел.

– Прекрасно, – ответил он безразлично.

– Что это было ночью? – я не могла не спросить его. – Ты закрыл дверь на ключ? Зачем? Его безразличие сменилось надменностью.

– Откуда я знаю, кто ты? – свысока спросил он.

– Ты спал со мной каждую ночь в течение последних двух месяцев и ты не в курсе, кто я? – я говорила как можно спокойнее, стараясь справиться с тяжелейшим напряжением, которое не покидало меня всё это время.

Он посмотрел на меня с нескрываемой злобой:

– Да, представь себе, я не знаю, кто ты! Я не знаю, что от тебя ожидать!

– Что ты несёшь?

– А! – вскрикнул Андерс. – Значит, я ненормальный по твоему?

– Я этого не говорила...

Мой голос задрожал, по лицу катились слёзы:

– Ты же знаешь, я принимаю тебя, я...

– Нет, не принимаешь. В тебе нет безусловно принятия! – крикнул он.

– Хорошо. Возможно, безусловно принятия нет, но я учусь, учусь... – я сложила свои ладони вместе, как будто умоляя его передумать. – Но как минимум, я принимаю твои странности...

Я запнулась, поняв, что сказала лишнее.

– Точнее, твои особенности, – тут же поправила я себя.

Андерс зло хмыкнул, глядя мне в лицо.

– Это я-то странный?! Над тобой зависло, – он произнёс каждую букву отдельно, – Н – Л – О! И это я странный после этого?!

– Я же не виновата в этом, – чуть слышно произнесла я. – Я не виновата в том, что ты это видел.

– Я хочу, чтобы ты уехала, – упрямо повторил он, окончательно отгораживаясь от меня.

«Доброе утро, Марианна»

Я отказывалась верить в чудовищность происходящего. Когда вокруг всё чужое – от звуков шведской речи, напоминающей пение, до запаха незнакомых мест – мир кажется ненастоящим. Мой единственный переводчик и проводник в эту реальность, внезапно замолк. У меня не было корней в этой земле, и тот, кто обещал быть моей почвой, превратился в зыбучий песок. Даже непонятные вывески на шведском языке теперь казались мне проклятиями. Произошёл страшный сбой: я искала утешения у того, кто меня уничтожил, потому что в тот момент мне было не к кому прислониться.

Я долго думала о том, почему в этой ситуации запредельного стресса и предательства, я не ушла сразу. Я уже давно могла уехать к двоюродной сестре в Чехию, а оттуда вернуться в Казахстан. Но мне казалось, что если я уйду сейчас, то признаю, что всё было ложью. Я не уходила не потому, что мне было некуда идти, а потому, что мои ноги вросли в этот холодный пол его квартиры. Уйти означало признать, что я – привидение в чужой стране. И я оставалась, чтобы своим присутствием доказывать самой себе, что я существую, даже если он смотрит сквозь меня, как сквозь битое стекло. Остаться – значит дать судьбе шанс на ошибку, значит надеяться, что «хозяин положения» одумается и вернёт мне безопасность. Это была попытка дождаться того человека, которого я знала вчера, хотя передо мной уже сидел чужой.

Исчезновение – это страшное чувство. Когда Андерс не разговаривал со мной, он буквально стирал моё существование. В чужой стране, где меня никто не знает по имени, его игнорирование было равносильно небытию.

И я смотрела на себя в зеркало, чтобы убедиться, что я ещё здесь.

И я была здесь.

Но я была немой.

Вещи были собраны. Я ещё не сообщила сестре, что возвращаюсь раньше. Она знала о моём скоропалительном романе со шведом, и я мысленно прокручивала фразы, выбирая что-то нейтральное, чтобы сказать ей, почему я вдруг приехала раньше, чем планировала. Надо было сказать, как есть, но мне было стыдно.

Солнце едва касалось обнажённых зимних веток. Я смотрела в окно, которое распахнула в то самое утро, радостно приветствуя Андерса.

– God morgon, – я обратилась к замершему в стекле силуэту. – Вот ты и проснулась. Поздравляю.

Андерс зашёл в комнату тихо. Он подошёл ко мне и молча положил свой телефон на подоконник так, чтобы я видела: на главном экране была моя фотография.

Он постоял рядом со мной несколько секунд, а потом с обидой в голосе произнёс:

– Значит так, да? Ты не хочешь со мной разговаривать?

– Ты выгоняешь меня, наговорив мне гадости ни за что, теперь стоишь тут молча, и это я должна о чём-то с тобой разговаривать? Как интересно, – спокойно сказала я, отворачиваясь к окну.

– Ну и не надо! – взорвался Андерс, которого взбесила моя невозмутимость – он явно ожидал, что я кинусь ему на шею, едва заметив своё фото на экране его телефона.

Он схватил мобильник и быстро направился к двери.

– Я твою фотографию на экран поставил, а тебе всё равно!

В объятиях морока

Андерс не умолял о прощении. Он просто долго сидел у моих ног, сжимая мои ладони, и молча смотрел на меня. В этом взгляде была абсолютная пустота. Я гладила его по голове, как больного ребёнка, понимая, что я тоже больна.

Он оплатил мои издержки за смену билетов – сухая точка в этой драме. Он не хотел меня отпускать. Строил планы, говорил о миграционных правилах, о моём возвращении, о будущем переезде.

И я слушала. Моё сознание, вопреки очевидности, отчаянно цеплялось за этот призрачный шанс «быть вместе». Наши отношения были короткими, изломанными и странными, но всё это перекрывала физическая близость. Она была настолько мощной и болезненной, что порой мне казалось, что наша близость убивает нас больше, чем наши бесконечные ссоры.

Когда мы занимались сексом, Андерс преображался. Вся его тяжесть, тоска и подозрительность исчезали. Это была единственная территория, где он не ранил меня, где его нежность была абсолютной, и этот жар обманывал меня лучше любых обещаний.

Временами на него накатывало нечто, похожее на приступ. В такие моменты он не отпускал меня, словно боялся, что если наш физический контакт прервётся, всё будет кончено. Он бесконечно ласкал мое тело, покрывал его поцелуями, но в этой нежности было что-то страшное и тревожное.

– Я хочу ребёнка от тебя, – лихорадочно повторял он, словно эти слова могли удержать меня или исправить всё, что он разрушал.

Сначала я не принимала это всерьёз, списывая на пыл момента. Но однажды вечером он заговорил об этом.

– Я никогда в жизни не испытывал такой страсти, – признался он. – Ни к кому. Знаешь, я ведь никогда не хотел детей. Даже с Эльзой... Мы прожили четырнадцать лет, прежде чем родилась дочь, но и тогда я не чувствовал этого безумного, животного желания быть с женщиной и иметь от неё ребёнка. А с тобой – хочу.

Он замолчал, а потом добавил:

– Может быть, если ты родишь, ты сможешь здесь остаться. Мы устроим твою легализацию, всё оформим.

– Андерс, о чём ты? – искренне удивилась я. У меня уже есть дети. Ребёнок – это не игрушка и не лекарство от твоего одиночества, это огромная ответственность.

Он кивал, соглашался, на мгновение свет разума возвращался в его глаза. Но проходило время, и морок накатывал снова. Он ждал каждого месяца с нетерпением, почти с надеждой – а вдруг чудо случилось?

«**Why, Андерс, why?**»

Место, куда Андерс повез меня перед моим отъездом, находилось примерно в часе езды к югу от Стокгольма. Огромная территория, несколько корпусов: концертный зал, игровые комнаты, столовая, ремесленные мастерские. В одном из зданий как раз вовсю бурлил молодежный ретрит в защиту экологии. Юные эко-активисты – человек тридцать, не меньше – образовали во дворе круг и, взявшись за руки, медитативно ходили вокруг большого костра, что-то слаженно напевая. В общем, местечко что надо, в чисто скандинавском стиле. Там шведский дух, там Швецией пахнет!

Нагулявшись по светлым стерильным коридорам и вдоволь насмотревшись на мазню, развешанную по стенам, и прочие «каляки-маляки», нарисованные людьми с руками из жопы, мы изрядно проголодались. Придя в столовую, Андерс похлопал себя по карманам и обнаружил, что забыл бумажник в машине. На кассе мило улыбнулись и сказали, что нет проблем – мы можем рассчитаться позже, чтобы не тащиться прямо сейчас на парковку, которая была довольно далеко.

Пообедав, мы вышли на улицу. И тут Андерс выдал: пока он сходит к машине за кошельком и закроет наш счёт в столовой, я могу зайти вон в тот магазинчик ручных изделий. Посмотреть, не приглянется ли мне что-нибудь. И если мне что-нибудь понравится – он за это заплатит.

Я, разумеется, очень обрадовалась. Для меня это был долгожданный знак: человек что-то осознал, понял, как был неправ в наших прошлых ссорах, да и просто – вдруг в нём проснулось элементарное желание сделать мне приятное? Было сложно поверить в этот его невероятный приступ щедрости, но я справилась.

В лавке пахло деревом и сушёными травами. Ассортимент стандартный для таких мест: одежда из эко-льна, открытки, хендмейд, картины, какие-то заряженные камни и прочая аутентичная дребедень. Я остановилась у витрины с украшениями. Мой взгляд упал на одни серьги – лаконичные, очень стильные. По иронии, они стоили дешевле всего, что там лежало, – 300 шведских крон, примерно 30 евро.

Вскоре в магазин вошел Андерс и с ходу спросил, что я выбрала.

Я с улыбкой показала на витрину:

– Вот эти! Красивые, правда? Очень мне нравятся! И самые дешёвые здесь. Классно, да?

– Действительно красивые, – согласился он, мельком взглянув на ценник.

Потом его взгляд прошёлся по полкам. Он зацепился за стойку у выхода и спросил:

– Как насчёт открытки? Ты хочешь открытку?

Я немного растерялась, но ответила, что открытки, конечно, очень милые, но я хочу серьги.

Андерс помолчал несколько секунд, глядя куда-то сквозь меня, а потом спокойно сказал:

– Ну что ж, всё, поехали. Пора возвращаться в город.

Мы молча вышли из лавки и так же молча дошли до парковки. Сев в машину, я отвернулась к окну, чтобы он не заметил моих слёз. «Надо было соглашаться хотя бы на открытку», – иронизировала я над собой.

Но он, конечно же, всё видел. И прекрасно всё понимал.

Дело ведь было вообще не в цене. И не в том, что я не могла бы купить себе эти несчастные серьги за 30 евро сама. Дело было в тяжёлых конфликтах, которые тянулись за нами шлейфом, и в его мерзком, мелочном поступке прямо сейчас.

И тут я подумала о том, в чём после не призналась даже своим лучшим подругам. «Накажите его», – сказала я мысленно, обращаясь куда-то Наверх.

Андерс никак не мог сообразить, куда лучше повернуть, чтобы выехать с территории, и мы начали нарезать круги по узким развилкам. На одном из перекрестков он притормозил, соображая секунды три, а потом резко крутанул руль в противоположную сторону. Машина начала разворачиваться и вдруг глухо встала. Точнее, нас как будто что-то удержало. Андерс попытался поддать газу, но колёса крутились вхолостую. Дорога была ровной, и мы никак не могли понять, во что умудрились впереться.

Тогда он психанул и резко сдал назад. В эту же секунду спереди раздался жуткий пластиковый треск, что-то с грохотом отвалилось и поволоклось по земле.

Пришлось тормозить и выходить. Андерс выскочил из салона и тут же завёлся: «Чёрт! Дерьмо! Сука!»

Я вышла из машины: прямо посреди дороги покоился огромный камень. Я без понятия, как Андерс его не заметил, как этот булыжник вообще там оказался, а главное – почему мы не почувствовали, когда плавно на него напоззли. Машина зацепила камень передним бампером, и когда Андерс в ярости рванул задний ход, бампер просто оторвало. Пара прохожих, оказавшихся невольными свидетелями этого действия, натурально сложились пополам от смеха. Видимо, настолько комично это выглядело со стороны.

Я удивлённо посмотрела на небо.

К слову, бампер отвалился вместе с автомобильным номером. Андерс заметался, отрыв в багажнике то ли изоленту, то ли серый строительный скотч. И под аккомпанемент собственных причитаний о том, как безумно дорого сейчас чинить авто и какое же ужасное государство Швеция с его конскими ценами абсолютно на всё, принялся приматывать бампер обратно к кузову. В итоге у него получилась эпичная конструкция, которая держалась исключительно на липкой ленте, соплях и его же проклятиях. Наконец, мы были готовы ехать. Вид у машины стал сиротский.

Всю дорогу до города Андерс натурально истерил. Он без конца бил руками по рулю, зывал к Богу и кричал на весь салон:

– Why-y-y?! WHY?!

Его искренне мучил вопрос, почему же, почему-у-у-у это случилось именно с ним и именно сейчас.

А я продолжила молча смотреть на мелькающие деревья. Плакать мне больше не хотелось.

«Эксперт по использованию»

После возвращения в Казахстан реальность захлестнула меня с такой скоростью, что на размышления об отношениях с Андерсом времени почти не оставалось. Лишь спустя неделю я осознала, что в этой привычной суете не хватает одного – его интереса ко мне.

Андерс не писал. На мои сообщения отвечал сухо, односложно, будто отмахивался. Наконец я выбила этот разговор по видеосвязи.

Он долго не хотел включать камеру. Когда я настояла, на экране появилось его лицо – он сидел за столом в своей стокгольмской квартире, опустив голову.

– Посмотри на меня, – мой голос был настойчивым. – Что происходит?

Он поднял глаза.

– О боже... – прошептал он. – Какая ты красивая.

В тот вечер он говорил много и сбивчиво. Перед концом разговора он вдруг произнес фразу, которую я потом прокручивала в голове множество раз:

– Запомни этот день. Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты знала: я всегда буду любить тебя. Всегда.

На какое-то время всё будто выровнялось. Снова пошли звонки, регулярные сообщения. И вдруг – неожиданный порыв.

– Поедем в Турцию, отдохнём, – предложил он, а следом добавил, что хочет перевести мне крупную сумму денег, чтобы я закрыла часть своих финансовых вопросов.

Вместо радости я почувствовала фальшь.

– Нет, Андерс, – отрезала я. – Так дела не делаются.

В этом жесте было что-то неестественное, как будто он пытался разыграть роль, которая ему не подходила.

После моего отказа он снова исчез.

Стоял май. В моём городе уже вовсю жарило солнце. Я ходила по шумным улицам, прижимая телефон к уху, и раз за разом слушала гудки. Внутри у меня был ад, совершенно не сочетающийся с майским теплом.

Он ответил внезапно. Камера металась: я видела, как он лихорадочно ходит по комнате.

– Ты просто хотела меня использовать, – бросил он в экран, продолжая бегать из угла в угол.

Я остановилась посреди улицы.

– Что? Андерс, если бы я хотела тебя использовать, я бы первым делом взяла те деньги и поехала в Турцию. О чём ты вообще говоришь?

– Мои друзья... они открыли мне глаза. Сказали, что ты меня используешь, – он отвёл взгляд от камеры, словно зачитывал текст по шпаргалке.

Я всегда любила ясность:

– Какие друзья? Назови имена. Это Рамеш?

– Нет, конечно. Он бы никогда так не сказал, – отрицал Андерс.

– Джон?

– Нет, мы с ним не общаемся после того, как я не занял ему денег.

Андерс схватил колоду карт, которую я ему подарила, и стал быстро тасовать её. Он выхватил пару карт, а потом бросил всю колоду на стол:

– Чёрт! Я не знаю что мне делать!

В конце концов он сдался и выложил всё как есть:

– Лариса сказала, что ты пробудешь со мной от силы пару лет. Что я нужен тебе только для того, чтобы укрепиться в Швеции!

Я не знала, как реагировать на эти нелепые обвинения.

– Что?! Лариса сказала, что я тебя использую? И в чём конкретно это выражается? – сначала я даже не поверила. – Ты серьёзно или прикрываешься ею, чтобы не быть ответственным за свои решения?

– Она открыла мне глаза, – произнёс он с напускной уверенностью, упорно глядя мимо камеры. – Через пару лет мне стукнет пятьдесят пять, и ты меня бросишь. Лучше закончить всё сейчас.

– Андерс, тебе всё равно будет пятьдесят пять – со мной или без меня. Это время наступит в любом случае, – сказала я, стараясь привести его в чувство. – Но почему Лариса решает за нас? Почему она вообще имеет право голоса в твоей жизни?

Я напомнила ему факты, которые он предпочитал не замечать: Лариса сама приехала к Рамешу из России, не имея за душой ничего – ни денег, ни европейского образования. Она

годами жила за его счёт, пока он оплачивал каждый её шаг. И её это ничуть не смущало. Она моложе Рамеша, пусть и не с такой разницей, как у нас, но она прошла именно тот путь, в котором теперь обвиняет меня.

– Я заслуживаю лучшего в этой жизни, – вдруг заявил Андерс.

– Что? – я пыталась осознать услышанное. – «Лучшего»? То есть я для тебя недостаточно хороша?

Я была в полном замешательстве.

– Я устал от конфликтов.

– Андерс, я тоже устала от конфликтов, – я старалась говорить спокойно, изо всех сил удерживая самообладание. – Но я ведь делаю всё возможное, чтобы сохранить с тобой мир.

– У меня нет энергии, – выдал он свою привычную отговорку.

– Посмотри на меня, пожалуйста, – мягко попросила я его.

– Нет.

– А ты не думаешь о том, что спустя время будешь сожалеть о том, что всё вот так закончилось?

– Не знаю. Может, буду. Может, не буду. Никто не знает, что принесёт нам будущее, – его ответ прозвучал так, словно ему действительно всё равно.

Чтобы понять хоть что-нибудь, я написала Рамешу.

Он ответил быстро:

«Марианна, Андерс действительно был тобой увлечён. Но тебе следует понять: он человек совершенно безответственный. Он не готов брать на себя обязательства за тебя или за кого-то другого. Он сказал, что не собирается больше общаться с тобой».

Я села. Перечитала сообщение. А потом ещё и ещё.

«Лес, твой погребальный костёр»

Мне казалось, если писать Андерсу, то он поймёт, что не хочет меня терять. Очень банально, но я не могла не писать ему, и строчила по десять сообщений в день.

В какой-то момент меня осенило: благодарность! Вот о чём мне надо писать любимому мужчине! Как я невероятно благодарна Высшим Силам за нашу встречу и всё, что было в наших отношениях!

И я стала строчить один за другим пункты благодарности. Я писала том, как мы с ним встретились, проводили время и как всё было наполнено удивительными совпадениями и магией. Даже о том, что мы «умело решали конфликты». Благодарность за нашу близость, разговоры, за то необыкновенное притяжение друг к другу. Это была благодарность не ему лично, а Вселенной, Высшим Силам, Божественному Проведению.

«Сто пунктов благодарности» набралось очень легко и быстро. «Если он увидит, как много есть за что благодарить Вселенную в наших отношениях, его сердце растопится» – с надеждой думала я.

Я отправила и стала ждать. Спустя несколько дней он прочитал, но, конечно, не ответил.

Я записала голосовые сообщения. Может, услышав мой голос, в нём хоть что-то шевельнётся, повернётся в другую сторону. Он прослушал, но продолжал молчать.

Июль. В городе стояла жуткая жара. Мне нужно было рано вставать, идти на работу, заниматься бытом и повседневными делами, но у меня не было сил ни на что. Этот стресс забрал всю мою энергию. Приходя на работу, я запиралась в кабинете, судорожно проверяя замок, чтобы никто не увидел моих глаз – я плакала непрерывно.

И я ждала, ждала, ждала...

«Я люблю его и он мне нужен», – эта мысль крутилась на повторе, как заклинание.

Изнуряющее пекло и тягучее ожидание выматывали до такой степени, что стало очевидно – мне нужна медицинская помощь, предел возможностей пройден. Пропал аппетит, исчез сон, а килограммы улетали один за другим.

Я по-прежнему отказывалась верить, что всё может закончиться вот так. Что даже наши тяжёлые конфликты не могли быть причиной того, чтобы в один миг он мог отрубить нашу связь.

Я искала объяснение и не находила его. То, что у Андерса были серьёзные внутренние проблемы, казалось мне недостаточным – должно было быть что-то ещё.

В один из дней, не в силах больше терпеть эту неизвестность, я позвонила Рамешу. Я не хотела ходить вокруг да около и спросила в лоб:

– Рамеш, у Андерса есть другая женщина?

Его тишина была красноречивее слов. Мой вопрос застал его врасплох, он явно этого не ожидал. Я буквально прижала его к стенке своим звонком. Он начал что-то невнятно мямлить, пытаюсь уйти от ответа, но я не отступала:

– Рамеш, вы же знаете, у меня очень сильная интуиция. Скажите правду: у него кто-то есть?

Он замялся, подбирая слова, и наконец выдал:

– Нет... насколько мне известно, нет. Но, кажется, он с кем-то сходил выпить кофе.

В этот момент внутри меня что-то оборвалось.

– Марианна, ну в этом же нет ничего такого, – пытался он сгладить. – Ну сходил и сходил...

Этот «кофе» на фоне моей выжженной жизни казался высшим актом предательства. И я не сомневалась: Рамеш мне солгал. Было что-то ещё – он просто не говорил.

Вспоминая того странного парня на вокзале Гётеборга, до меня наконец стало доходить – то не была случайная встреча. Это был знак, мой ангел-хранитель, который буквально преграждал мне путь, пытаюсь спасти от Андерса. Теперь я знала точно: мне не был нужен этот «ценный опыт». Я не стала мудрее: я просто стала разбитой. Счастье было возможным и без этой боли, и без этого человека. Мне категорически не хотелось принимать этот кошмар как какой-то «неизбежный жизненный урок».

«Надо было взять эту дурацкую шапку», – размышляла я.

За спиной ощущалось тяжёлое дыхание смерти. Мой взгляд упирался в адское летнее солнце с единственной мыслью: оно меня скоро убьёт, и это хорошо. Я стояла под синим ярким небом так долго, пока не сгорела.

Однажды в голове зазвучал тонкий женский голос. Я прислушалась, пытаюсь разобрать мелодию и слова.

Взяв ручку и листок бумаги, я села у пианино:

Лес,

Твой погребальный костёр на границе

Тонких миров дымится.

Здесь

Осталось то, что огонь не стёр –

Нашей жизни пустые страницы.

То, что он сжечь так легко готов: ничего не боится.

Лес, твой доверчивый мир

Я спасти, увы, не смогла – я старалась.

Для него существует другой кумир,

Мне иное раньше казалось.

Он за эго свое расплатился сполна:

Ничего, ничего не осталось.

Лес, наши тонкие грани

Неожиданно быстро сошлись –

Теперь догорают...

*Лес, ты почаще мне только снись.
Я тебе обещаю –
Он о нас ничего не узнает.*

Глава 7

ОЛЛИ

Выход начался не с осознания, а с истощения. Спустя месяцы мой организм, выжатый до предела этим адом, просто не смог больше генерировать такую дозу боли. Состояние стало выравниваться медленно, почти незаметно, по миллиметру возвращая меня из того леса к жизни.

Именно моё мудрое тело сказала «стоп, хватит». Именно оно жаждало, звало, требовало своего права на жизнь и страсть. Но каждый раз, натываясь на вечное нытьё Андерса, на это тягучее недовольство миром и его нежелание быть со мной в настоящем моменте, моё тело наотрез отказывалось продолжать эту бессмысленную гонку за его вниманием и любовью.

Андерс – это застой и угасание. Моё желание было направлено на жизнь, а он транслировал отказ от неё. Я поняла, что он не даст мне этого, а бегать за ним с мольбами: «Возьми меня, милый!» было не только бесполезно, но и ниже моего достоинства – предлагать себя тому, кто добровольно от меня отказался. Я не стала совершать ошибку, пытаюсь «разжечь» того, кто меня не хотел.

Я и сама больше не хотела разгадывать его загадки – теперь они были мне скучны. Над ним зияло его непомерное эго, которое было невозможно уменьшить безусловным принятием. И я не обязана была этого делать.

Я не могла принять мужчину, который не работает и живёт на средства родителей, которые горбатились всю жизнь, чтобы их дети жили хорошо. Легко изображать из себя всезнающего гуру в то время, когда тебе не надо переживать о хлебе насущном. О своей взрослой, но такой ещё молодой дочери он тоже никогда не беспокоился. Мне не был нужен мужчина, которому плевать на своего ребёнка.

Он защищал свою энергию от бытовой техники, но не замечал, как она вытекает через его собственный страх. Я пыталась выстроить логическую цепочку там, где была только пустота.

Он искал шпионов в мобильном телефоне, пока его собственная изоляция медленно сжирала его изнутри. Я приехала в Швецию по зову из темноты, но темнота Андерса была другой. В моей темноте были Огни, я хотела донести миру, что темнота это не отсутствие жизни, а её начало, первозданный свет, который просто ещё не обрел форму. Но в его темноте были только подозрения, враги и слезка.

Его поведение стало самым эффективным антисексом. Секс – это праздник жизни, а он предлагал мне поминки по своим неслучившимся амбициям. Вспоминая его истерики и вечно кислую физиономию, я вдруг поняла, что окончательно потеряла к нему интерес.

Лена

Жизнь у моей подруги Лены, надо признать, складывалась непросто – трудностей всегда хватало. Судьба ей выпала не самая лёгкая. Но, несмотря на все невзгоды, Лена изо всех сил карабкалась. Какая бы уставшая она ни приползала с работы, Лена садилась в кресло, закрывала глаза и, как она сама выражалась, «отдавала» пространству мысль о своём намерении.

Причём задачи она перед собой ставила сложно выполнимые. Но обстоятельства вокруг неё каждый раз кувыркались каким-то совершенно фантастическим образом, и желание материализовалось в реальности. Иногда на подготовку уходило много времени. Например, Лена целый год визуализировала личную встречу со своим кумиром – довольно известным селебрити. Сама Лена к шоу-бизнесу не имела вообще никакого отношения, шансы пересечься в обычной жизни равнялись нулю.

Но в один прекрасный праздник она неприглашённая, умудрилась оказаться в нужное время в нужном месте – прямо на закрытом дне рождения у этой звезды. Прошмыгнула мимо охраны, зашла в зал, а сам кумир, вместо того чтобы выставить незнакомку за дверь, вдруг подошёл, познакомился с ней лично и усадил за свой стол, рядом с родственниками и близкими друзьями.

– Ленусь, это невероятно, – мне нравилось вспоминать эту историю, когда мы в очередной раз обсуждали наши ментальные практики.

Лена отчётливо помнила свои прошлые воплощения, причём не только на Земле, но и далеко за её пределами. Её воспоминания кардинально отличались от моих – это было совершенно другое измерение, иной мир.

– Там всё устроено иначе. Другие физические законы. И корабли... Наш экипаж заходил в глухие сектора вселенной, мы пересекались с другими цивилизациями.

Слушая её, я понимала, насколько безгранична Вселенная. Глупо думать, что инопланетный разум штампуется по одному шаблону. У Лены картинка была своя, у меня – своя, и эти кусочки мозаики складывались в какую-то бесконечную картину.

Дочь Лены тоже росла с «приветом» из космоса. Девочка лет с семи абсолютно серьёзно и в деталях описывала свою будущую жизнь в XXV веке. Она знала страну своего следующего рождения, семью, в которой появится, и даже сколько лет ей суждено там прожить.

– И как там, в будущем? – с любопытством спрашивала я Лену.

Меня, конечно, же не интересовали «роботы и летающие автомобили» – мне было важно другое: изменится ли отношение людей друг к другу?

– Да в том-то и прикол. Дочь говорит, что мир изменится не сильно, – пожимала плечами Лена. – Войн станет меньше, люди в массе своей станут добрее. Но по земным меркам всё меняется настолько медленно и со скрипом, что в глобальном плане мироустройство останется прежним.

Именно эта мысль о вечном земном застое чаще всего приводила нас к главному вопросу: как, собственно, покинуть эту планету раз и навсегда? В личных разговорах мы обе открыто признавались, что возвращаться сюда, в этот сансарный круг перерождений, нет ни малейшего желания.

Лена хорошо помнила свою прошлую жизнь, но в её памяти была огромная слепая зона: она никак не могла вспомнить, как вообще её занесло на Землю. Именно от Лены я впервые услышала теорию про Купол. Она как раз зачитывалась одной известной книгой, где подробно описывалась эта энергетическая ловушка, блокирующая выход душ за пределы планеты.

– Мы тут заперты, – говорила Лена безапелляционно. – В одном из своих древних воплощений, когда я жила в Монголии, я уже пыталась выбраться. Я знала, что в Куполе со временем появляются естественные бреши, истончения. Если в момент перехода, то есть смерти, точно знать, где находится такая брешь, можно проскочить.

– И что пошло не так?

– Что-то не пустило, – вздыхала она. – Потянуло назад. В итоге меня опять утащило на перерождение.

– Смерть это не выход из наших страданий, – продолжала она с уверенностью. – Земной мир не изменится. Иногда мне кажется, что толку от нашего присутствия здесь нет. Находясь внутри системы, ты ничего не поменяешь. Надо выбираться отсюда к чёртовой матери, как только отработаем это воплощение.

– План надёжный, – иронизировала я. – И каков наш алгоритм действий после физической смерти? Искать дыру в Куполе?

– Именно, – Лена вдруг рассмеялась. – Но ты не переживай. Если у меня получится прорваться первой, я там, на той стороне, соберу наших, возьму нормальный корабль с инопланетянами, вернусь сюда и просто расфигачу к чертям всё местное мировое зло. Оставим только

осознанных, светлых людей и тех, у кого внутри есть хоть какой-то шанс на нормальную ментальную эволюцию.

Конечно, Лена шутила, но за этим в ней скрывалось глубокое, искреннее негодование. На нас накатывали моменты отчаяния – особенно когда слышишь новости, а там очередной кошмар. От этой концентрации боли на планете мне порой становилось физически плохо, и тогда не могла нормально спать: мне казалось, что я слышу чьи-то крики отчаяния.

– Попробовали бы они сами! – Лена в такие минуты аж закипала от злости, имея в виду высокоразвитый инопланетный разум, молча наблюдающий за нами со стороны. – Попробовали бы эти «космические кураторы» или кто они там, пожить здесь, внутри этой мясорубки, в этих страданиях и муках! Посмотрела бы я на них, как быстро они бы тут свихнулись! Какие жестокие, бесчеловечные эксперименты над человечеством. За что нам это всё?!

Она переводила дух, но в ней горело упрямство:

– Вот как только я смогу выбраться из-под этого грёбаного Купола, я найду их, посмотрю им прямо в их инопланетные глаза и скажу: «Вы что творите вообще? За какие такие грехи вы подвергаете землян этим чудовищным опытам?! Вы не имеете никакого права так издеваться над живыми душами!»

Эти вспышки бунта, конечно, помогали ей слить накопившийся стресс от несовершенства этого мира. Но в одном Лена оставалась непоколебима: её настрой совершить побег из земной матрицы сразу после смерти был стопроцентным. Без пафоса, без лишних иллюзий – просто как четко сформулированное, последнее техническое задание для её собственной души.

«Верь своим глазам»

Звонок от Динары раздался ближе к полуночи. Мы дружили ещё со школы, но в последние годы между нами выросла стена: Динара ушла в религию, надела хиджаб, начала читать намаз и теперь мерила этот мир исключительно категориями греха и праведности. Всё, что не умещалось в каноны, она списывала на лукавого. Я научилась лавировать между её проповедями, но в этот раз её голос в трубке заставил меня по-настоящему насторожиться:

– Марьяна, ты не представляешь, что сейчас произошло! Меня всю трясет, руки ходят ходуном!

Она жила на последнем этаже стандартной многоэтажки, зажатой между такими же панельными блоками. Обычный спальный район, одиннадцать вечера, окна сотен квартир светятся в темноте. Но то, что случилось, было адресовано только трём людям – Динаре и двум её дочерям.

– Мы сидели на кухне, пили чай, – начала она взволнованно. – И вдруг за окном стало светло как днём. Прямо над нашей длинной лоджией, которая соединяет кухню и зал, зависла огромная тарелка. Марьяна, она была гигантская! Яркие, резкие огни лупили сразу в два окна. Мы вскочили, подбежали к стеклу, стоим как вкопанные, орём: «Что это? Это НЛО?!»

Я слушала её дыхание в трубке – тяжёлое, прерывистое. Она не придумывала.

– Я рванула за телефоном, чтобы снять это, понимаешь? Только схватила со стола, навела камеру – и в ту же секунду этот огромный корабль сжался в крошечную точку на небе и исчез. Растворился. Мы видели это втроём! Ты даже не представляешь, с какой скоростью они движутся. Это что-то нечеловеческое. Наша техника так передвигаться не может. И главное, на улице тишина, никто даже в окно не высунулся!

– Динара, подожди, – спокойно сказала я. – Ты уверена, что всё было именно так? Реально такой огромный корабль?

– Да! – крикнула она.

Затем её испуг начал сменяться привычным религиозным фанатизмом:

– Я знаю, что это. Это происки шайтана. Наваждение.

– Динара, прекращай. Ну при чём тут шайтан? Вы втроем видели реальный объект, космический корабль, который двигался на бешеной скорости. Какие тёмные силы?

– Ты не понимаешь! – упорствовала она. – Шайтан хочет запутать меня, переманить на свою сторону. Он же видит, что я только-только надела хиджаб, начала читать намаз, встала на путь истинный. Вот тёмные силы и пытаются сбить меня с толку, показывают эти фокусы, чтобы я усомнилась в вере!

Спорить с этой религиозной логикой было бесполезно. Когда человек заменяет физику демонологией, любые аргументы бессильны. Я просто выслушала её и успокоила, как могла.

Спустя несколько месяцев, когда первый шок давно улёгся, мы снова заговорили о том вечере.

– Ты помнишь ту тарелку над лоджией? – мне было интересно, выветрился ли этот случай из её памяти под воздействием ежедневных молитв.

Динара повторила всю историю – слово в слово, с теми же деталями, с той же безумной скоростью исчезновения. Но тон её изменился. В нём больше не было религиозного фанатизма, осталась только растерянность.

– Знаешь, Марьяна... Прошло время, и теперь я вообще не знаю, во что верить. Это было так реально, но не вписывается ни во что...

– Верь своим глазам, Динара, – я мягко, но уверенно, поддержала её. – На данный момент этого более чем достаточно.

«Инструкция к аватару»

После того, как Динара рассказала мне о том, что она с дочками видела НЛЮ, я естественно не удержалась и пересказала всё Лене.

– Удивительно, конечно, – сказала Лена, выслушав меня внимательно. – Как глубокая религиозная зашоренность намертво закрывает людям сознание: шаг вправо, шаг влево – и всё, система блокирует любое восприятие, перекрывает всё на корню. Потрясающий маркер того, как работает человеческий мозг, зажатый в рамки догм. Динаре проще заселить мир чертями, чем признать, что Вселенная шире, чем её религиозная книга. Для неё этот корабль стал угрозой её шаткому внутреннему порядку. Как ты думаешь, почему «Купол» так агрессивно заставляет людей придумывать шайтанов вместо того, чтобы просто позволить им увидеть реальность такой, какая она есть?

– Страх, – предположила я. – Тогда придётся признать, что всю свою жизнь ты посвятил иллюзиям.

Я немного помолчала, а потом озвучила мысль, которая крутилась в голове уже давно:

– Лен, слушай... А может быть, все те картинки, которые ты помнишь – это не прошлые твои жизни вне Земли? Может, это всё-таки будущее? Ну, по аналогии с твоей дочкой – она же чётко видит свою следующую жизнь в XXV веке здесь, на Земле. Вдруг ты видела себя уже в грядущем, когда наконец-то выберешься из-под этого Купола и окажешься за пределами планеты?

Но Лена была непреклонна. В своей памяти она не сомневалась ни на секунду.

– Нет, Марьян, это сто процентов было прошлое, – твёрдо сказала она. – Моя душа точно была рождена не здесь, на Земле. Понимаешь, мы когда-то очень давно покинули свой настоящий, родной дом.

При этом она имела в виду конкретно себя и свой экипаж. Относительно меня у неё тоже не было никаких сомнений – она была уверена, что я занесена сюда совершенно из другого места, и наши «космические паспорта» не совпадают.

Позже разговор зашёл о вещах более приземлённых, но оттого ещё более глубоких. Лена вспомнила случай, когда оказалась на самой грани между жизнью и смертью. Состояние было критическим, и в какой-то момент произошёл классический выход из тела.

– Знаешь, – делилась она со мной, – я зависла сверху и смотрела на себя со стороны. На это своё уставшее, измождённое тело. Смотрела как на чужой аватар и думала: «Боже, сколько же сложностей, боли и тяжести выпало на долю этого человека». И в тот момент ко мне пришло понимание – единственное, что мы вообще можем и должны делать, пока заперты в этих человеческих телах – это просто честно прожить свою жизнь, беречь животных и заботиться о природе. Прятаться и изолироваться от этого мира, по крайней мере, надолго, тоже не имеет смысла. Мы должны помогать тем, кто слабее нас, как бы тяжело нам не было.

У Лены всегда было много питомцев, и она, сколько я её помнила, тащила домой всех покалеченных и брошенных бедолаг.

– Да, пускай в глобальном плане мы не перепишем законы этой матрицы и не изменим мироустройство, – хорошо пусть так, – говорила Лена, как будто пытаюсь убедить саму себя в том, что её личная война со вселенской несправедливостью проиграна не окончательно. – Но, спасая очередную собаку или кошку, тратя на них свои, пусть и очень скромные деньги, мы делаем то, что в наших силах здесь и сейчас. Это максимум, который нам доступен. Больше ничего от нас не требуется. Да, после смерти надо будет сделать всё возможное, чтобы прорваться сквозь Купол и уйти отсюда, но пока мы живы – нужно по максимуму разгрести ту грязь, до которой можем дотянуться.

Врачи тогда буквально вытащили её с того света. Вернувшись в сознание, Лена окончательно зафиксировала для себя эти правила.

– Слушай, – говорила она с энтузиазмом, – даже если весь этот мой выход из тела – просто игры разума или предсмертные фокусы мозга, это не имеет вообще никакого значения. Важен результат. Нужно просто делать в своей жизни всё, что от тебя зависит. И главное – не ранить людей сознательно.

– А как же те, кто поступает с нами несправедливо? – сомневалась я – внутри меня всё ещё бунтовало желание очевидной, земной справедливости.

– Все, кто причинил нам зло, пусть сами со своими грехами и разбираются. Это их груз, им с этим жить. Ответка к ним всё равно прилетит в своё время – через другие ситуации, через обстоятельства, или просто в виде невозможности выбраться из этой земной ловушки после смерти. Какая разница? Каждый в итоге отвечает только за себя, за свои личные поступки и за свою собственную совесть.

Лена улыбнулась и добавила, поглаживая кота:

– Пусть это будет всего одно несчастное маленькое животное, которому я помогу пережить зиму. Зато у этого конкретного существа будет сытая, тёплая и светлая судьба. Да, Мурзик мой? – обратилась Лена к коту и нежно чмокнула его в нос. – У них ведь и так жизнь очень короткая, им досталась доля гораздо тяжелее, чем многим людям. Что ещё мы можем сделать? Только давать им свою заботу и внимание, раз уж Вселенная пересекла наши дороги.

Новые планы

На фоне моей обычной жизни в Казахстане – между детьми, работой, домом и общением с подругами – внутри меня созрело решение. Год выдался крайне тяжёлым, и мне было жизненно необходимо снова увидеть Швецию. Я готовилась взять отпуск за свой счёт и снова открыла волонтерский сайт.

Свободные места в йога-центре открывались только в середине мая, поэтому я выстроила маршрут следующим образом: сначала – два месяца в ресторане, который находился в маленькой деревне под Вестеросом, а после, уже в тёплое время, двинуться в знакомый йога-центр. Я очень хотела увидеть это место в летнее время.

В груди уже теплилось что-то похожее на радость. Это было если не спокойствие, то светлая надежда, что всё непременно будет хорошо.

За пару месяцев до отъезда пришло сообщение от Рамеша: они с Ларисой расстались. Причиной стала её чудовищная, разрушительная ревность. Рамеш писал, что её обвинения

беспочвенны и несправедливы – он всегда был верен Ларисе и всем женщинам, с которыми его связывали отношения до неё. Он изо всех сил пытался спасти то, что его связывало с Ларисой. Но после последнего скандала его терпение просто лопнуло.

Я вспомнила нашу первую встречу. Глядя на них, я сказала Андерсу:

– Рамеш и Лариса выглядят счастливыми.

Андерс тогда усмехнулся:

– На самом деле у них далеко не всё так гладко.

Я попыталась расспросить его, но он не стал вдаваться в подробности. Тогда я списала это на его вечный пессимизм. Мне всегда хотелось видеть в людях и их союзах лучшее – когда у людей крепкий счастливые отношения, ты думаешь, что раз им это удалось, то и у тебя получится.

Но в этой ситуации Андерс оказался прав – Рамеш действительно вложил в Ларису колоссальные ресурсы, чтобы перевезти ее в Швецию и дать ей новую жизнь. Но за этим скрывалась её болезненная подозрительность, которая в итоге полностью разрушила их отношения. Внутри женщины, которая поучала меня, как нужно «цепляться за мужчину», гнили свои собственные страхи. И тогда я даже не догадывалась, что эти самые страхи скоро станут оружием против меня.

«Если понадобится – зови!»

В тот день я закончила работу пораньше, и в предвкушении приятного вечера, спешила домой.

Всё было обычно: мартовская слякоть, повсюду машины, шум и суета. Я подбежала к остановке, с которой я уезжала сотни раз. Толпа ожидающих транспорт была растянута вдоль дороги – на остановке было не протолкнуться.

Подойдя ближе, я заметила, что один парень, стоявший неподалёку, уверенно двинулся ко мне. Это был молодой человек лет двадцати пяти. Может, чуть старше. Широко улыбаясь, он нахально заявил: «У меня нет денег!»

Я так разозлилась – до чего же наглые пошли попрошайки!

– Знаешь что? – резко оборвала я его, не скрывая раздражения. – У меня тоже нет денег!

Парень весело, залиvisto рассмеялся, ничуть не обидевшись на мою грубость.

– Да я пошутил! Есть у меня деньги.

Он полез в свой карман и достал оттуда горстку монет.

– Во сколько! Держи! – он с готовностью выставил ладонь вперёд, будто предлагал мне сокровище.

Я опешила. «Чокнутый какой-то!» – пронеслось в голове.

– Нет, спасибо.

– Да возьми! – он качнул рукой, заставляя монеты негромко звякнуть.

– Отстань от меня, – отрезала я, делая шаг назад.

Он безропотно засунул всю эту горсть назад в карман.

– Ну одну хотя бы возьми, – уговаривал он с обезоруживающей настойчивостью.

– Нет.

Тогда он взял мою ладонь, и вложил в неё одну монетку. Это оказалось 100 тенге. Я с удивлением смотрела на это, не зная, что сказать от неожиданности.

– У меня много денег, – хвастался он, ничуть не заботясь о том, как нелепо это звучит.

– Дома у меня вот такие пачки хранятся!

«Да он точно ненормальный», – утвердилась я в своей мысли.

Я смотрела на него и не могла вспомнить, кого же он мне напоминает. Времени на раздумий не было, но я сразу заметила его невероятное сходство с тем странным парнем на вокзале Гётеборга. Он был одет точно так же, такого же возраста и с такими же странными разговорами, только в этот раз он говорил со мной по-русски.

И вдруг он спросил:

– А мужчина у тебя есть?

– Это никого не касается, – ответила я уклончиво.

– А то я тебе и с этим могу помочь! – он беззаботно рассмеялся, словно предлагал самую пустяковую услугу.

«Вот только этого мне и не хватало для полного счастья!» – я решила, что он намекает на себя.

– Нет уж, спасибо, – ответила я. – Сама как-нибудь справлюсь.

В это время подошёл нужный мне автобус. Я не прощаясь запрыгнула на его ступеньки.

И тут услышала, как парень громко крикнул мне вслед:

– Запомни – меня зовут Олли! Если я тебе понадобится – зови!

Я обернулась.

– Как? – не расслышала я. – Олли?

– Да, Олли! Если что, зови! – он приветливо взмахнул рукой, и его улыбка показалась мне удивительно яркой на фоне серой улицы.

Двери закрылись, и я уехала.

Олли. Такого имени нет ни в казахском, ни в русском языке.

Я задумчиво произносила я его имя, крепко сжимая монетку, которую он мне дал.

«Что значит – если понадобится, зови?» – размышляла я.

Но, что бы это ни значило, у меня не было никаких сомнений, что я поступила правильно, взяв эту монетку.

Я не делала анализ нашего с ним разговора, но я точно знала: Высшие силы благословили меня на поездку в Швецию.

Глава 8

ВЕСТЕРОС

Иногда я принимала совершенно тупые решения, не имея хоть какой-нибудь запасной план. «Авось получится». Иногда я даже думала, что это привычное «авось» – часть русского менталитета. Но не честно переводить стрелки на менталитет и генетику, когда ты просто не умеешь или не хочешь учиться планировать важные вещи, с учётом своего финансового состояния и реальных возможностей.

Впрочем, думала-то я всегда много. Но как обычно зря.

Итак, я отправилась в Швецию во второй раз в качестве волонтера. Денег было в обрез.

Хозяева ресторана имели прекрасные отзывы и высокий рейтинг на сайте как принимающая сторона. Мою кандидатуру они сразу одобрили и я была рада провести у них время и помочь с открытием ресторана к новому сезону после зимы. Приехала я ровно за неделю до католической Пасхи.

Рестораном заправляла пожилая пара из Центральной Европы, перебравшаяся в Швецию много лет назад. Бизнес явно дышал на ладан: хозяйка, Анетт, постоянно вздыхала, что это их последний год и они вот-вот продадут заведение. Из плюсов – у них жили две потрясающие огромные собаки.

Помимо меня, в волонтерах числились девчонки из США, Германии и других стран, а следом за мной приехали ещё две студентки из Эквадора. Всем им было от силы лет по восемнадцать-двадцать. Позже некоторые признались, что поначалу приняли меня за неудачницу. Никто не понимал, что я забыла здесь в своём «зрелом возрасте». Это в йога-центр люди ехали за духовным просветлением, а тут всё было прозаичнее: молодёжь просто искала себя. На их фоне я – в свои тридцать три, с багажом из двоих детей, развода, высшего образования и стажа – чувствовала себя взрослой, случайно забредшей в детский сад. Посвящать чужих людей в свои истинные планы я, конечно, не собиралась.

Всего нас набралось семеро. Между собой девчонки ладили отлично, без драм и косых взглядов. Жили мы в отдельно стоящем доме на втором этаже, а хозяева с собаками занимали первый. Эквадоркам повезло меньше: их заселили в караван на улице, так что в душ им приходилось бегать прямо в ресторан.

Сам дом встретил холодом и грязью. Удобства хоть и были внутри, но предыдущие волонтеры оставили их, мягко говоря, загаженными. Зная свой характер, я понимала, что притирка к этому быту займёт недели две. Но я была готова идти на компромиссы – мне предстояло провести там два месяца, и хотелось сделать это с максимальной пользой.

Обязанностей хватало: выгул собак, заготовки на кухне, обслуживание шведского стола и поездки с хозяйкой за продуктами. К тому же нужно было разгрести после зимы тяжеленную мебель в зале и мастерской. Лично на мне лежала сервировка – от скатертей до пасхального декора, а также бесперебойная подача салатов, рыбы и соусов. Едва тарелки на буфете пустели, я должна была их обновлять. Инструкций выдали вагон, но в среднем работа занимала честные пять-шесть часов в день.

Куда тяжелее давались неписанные правила хозяев. Вечером, когда со сменой было покончено, врубался режим принудительной социализации. С семи вечера все были обязаны собираться за общим столом на ужин. Телефоны – под строжайшим запретом. Никого не волновало, что это твоё личное время: ты была обязана сидеть три часа, поддерживать беседу и изображать искренний интерес. Просто уныло присутствовать не позволялось. Единственной лазейкой была сама готовка: та, кто отвечала за ужин, могла сбежать на час раньше под предлогом уборки стола и кухни.

«Уроки европейской культуры»

Шёл второй вечер. Ужин был готов, а я вовсю драила кухню – хотелось закончить со всем до того, как сяду за стол. Мысленно я уже предвкушала довольное лицо хозяйки: стрелки едва приближались к восьми, а здесь уже всё блесло.

В этот момент на кухню залетела Анетт и без предисловий стала выговаривать мне о «неприемлемости моего поведения». Я остановилась, не понимая, что происходит.

– Кухня уже почти убрана. Я присоединюсь чуть позже, – объяснила я.

Анетт резко подняла свою руку с выставленной ладонью перед моим лицом.

Этот жест, видимо, означал «замолчи».

И тут она неожиданно закричала:

– Я впервые в жизни сталкиваюсь с таким ужасом и неуважением к себе и к европейской культуре!

Я была настолько поражена её криком и раздражением, что не знала, как реагировать.

Она завелась с пол-оборота, переходя на визг:

– В Европе так не принято, понимаешь?! В Европе принято уважать друг друга!

– Я не впервые в Европе, Анетт, – я ответила ровно, не позволяя её истерике заразить меня. – У меня здесь друзья и родственники. И европейцы, как и все люди, бывают разными. А моё уважение заключается, прежде всего, в качественной работе.

– Что ты сказала? – она явно не ожидала, что я посмею что-то ответить. – Ужинать вместе и не пользоваться мобильными, когда все за столом – это сложно?

– Я вообще не об этом...

Она меня не слушала и продолжала кричать:

– Это Европа! Европа, запомни!

– Я очень устала и хочу отдохнуть, – я попыталась оправдаться, понимая, однако, всю бесполезность этих попыток. – Мне сложно сидеть вместе со всеми два часа после работы, а потом ещё убирать кухню.

Анетт продолжала дёргаться и размахивать руками:

– То, что ты сделала не умещается у меня в сознании, настолько это ужасно!

– Хорошо, я вас поняла. Извините, – я отступила, чтобы только не слышать её крики. – Это только второй вечер, мне нужно привыкнуть к правилам. Возможно, я что-то не так поняла. Этого больше не повторится.

Конфликт был исчерпан, но в сердце у меня поселилось недоброе чувство, что случившаяся с Анетт внезапная истерика далеко не последняя. И что мне придётся здесь очень туго.

Пару раз я ездила с ней за продуктами, и эти поездки мне нравились. За рулём Анетт как-то сразу успокаивалась и затихала. Я никогда не строила иллюзий, что смогу здесь с кем-то подружиться, – просто старалась общаться по-человечески и поддерживать, когда видела, что кому-то тяжело.

Позже Анетт показала мне свою мастерскую. Она вытасила картины, сделанные из самых неожиданных материалов, – и это было действительно талантливо. Оказалось, что нам есть о чём поговорить, помимо ресторанной рутины, и эти разговоры находились сами собой.

Правда, иллюзия приятного дружеского общения держалась недолго – ровно до очередного рабочего инцидента.

Однажды утром, когда работа на кухне только начиналась, девочки из Эквадора вышли из душа в ресторане.

Это заметила Анетт. Она остановила их, и с порога сорвалась на крик и обвинения.

– Вы что себе позволяете?! – завопила она на всю кухню. – В Швеции не принято принимать душ каждый день!!!

Девочки опустили головы, как будто провинились в чём-то страшном.

– Вы слышите?! Это не ваша страна!!! – Анетт заходила в крике, размахивая руками. – Здесь всё очень дорого!!! Возможно, вы привыкли, что в вашей стране вы моетесь каждый день!!! Но сейчас вы в Европе!!!

Девочки испуганно пытались ей возразить:

– Это только второй раз за три дня...

– Не-е-ет!!! Нет!!! Вы делаете это каждый день!!! – проорала Анетт, затыкая им рты.

Её реакция была настолько неадекватной, что все, кто находились в это время на кухне, в шоке молчали и пытались делать вид, что заняты своими делами.

Негатив и недовольство хозяев нарастало и было по любому поводу. Каждый день по несколько раз. Муж Анетт – Фред – обыкновенное хамло, мог заорать любой из нас: «Не делай так! Я сказал один раз и больше повторять не буду!»

Особенно доставалось мне и эквадоркам.

Как-то раз я не выдержала и жёстко оборвала его очередную грубость:

– Не разговаривай так со мной, понял?

Он что-то проорал мне в ответ.

Я подошла к нему близко и громко повторила:

– Не разговаривай так со мной, понял?!

Он замолчал, но между нами коршуном влетела Анетт, выкатывая свой главный козырь:

– Не иди с ним на конфронтацию! Если ты действительно получила хорошее образование и воспитание у себя в стране, ты должна понять, что он – аутист и он – особенный!

Я услышала как одна из девочек-европеек тихо сказала: «Да он просто мудака».

«Пропавшее поколение»

Хозяева умудрялись замечать наши телефоны, даже когда мы доставали их в законный перерыв. Самое абсурдное, что под раздачу попадали только я и эквадорки. У нас не было европейских сим-карт, поэтому поймать интернет и связаться с близкими мы могли только через ресторанный Wi-Fi. Каждый раз когда мы заглядывали в экраны, в глазах Фреда это выглядело так, будто мы «не расстаёмся со смартфонами», а наше поколение в принципе «пропавшее». И

нам раз за разом приходилось оправдываться: нет, мы не пропащие, и да, мы пишем близким исключительно в свободное время.

В рабочие часы мы часами носились туда-сюда на пределе скоростей. Я не из тех, кто ноет, – привыкла делать всё чётко, слаженно и быстро. Но работать с Анетт было тем ещё испытанием: она постоянно срывалась на крик, грубила и вела себя, мягко говоря, странно. Вечером она могла рассыпаться в похвалах, но днём превращалась в пороховую бочку. Я пыталась найти ей оправдание – списывала всё на дикий стресс и пахоту перед открытием сезона. Фред своей работой занимался, но, под стать жене, вечно ходил с недовольной миной, а по вечерам глушил алкоголь.

В один из четвергов мы все – Анетт, Фред, я и остальные девчонки – торчали в ресторане. Не хватало только эквадорок, которые ушли на выгул собак.

Я не сразу поняла, что произошло. Какой-то переполох: на пороге ресторана стояла разъярённая женщина, рядом с ней – эквадорки. Одна из девочек рыдала.

Оказалось, что гуляя с собаками, она не удержала пса и тот сцепился с соседкой собакой. Ни одна собака не пострадала, а вот девочку протащило на поводке несколько метров. Соседка громко возмущалась, что «приехали какие-то непонятные волонтеры непонятно откуда и не соблюдают правила». Анетт была в бешенстве. Эквадорки ушли к себе в караван, чтобы успокоиться, а остальные остались.

– Теперь будет новое правило, – объявил Фред. – На прогулки с собаками строго запрещено брать сотовые телефоны.

– Почему вы решили, что девочки были заняты мобильными во время прогулки? – спросила я, поскольку обвинения в использовании телефонов казались мне абсолютно надуманными.

– По-другому и быть не может, – самоуверенно заявил он. – Если бы они не отвлекались на мобильные, этого бы не случилось.

– Да-да! Я сама видела! Они пользуются телефонами во время прогулки! – включилась в наш разговор волонтерка из Германии. – Они безответственные и безмозглые!

Хм, а ведь никто не тянул её за язык.

О том, что она сама пользовалась мобильным, когда мы с ней вдвоём гуляли с собаками три дня назад, она, конечно же, умолчала.

Впрочем, эти дрызги быстро отошли на второй план. В пятницу ресторан открыли. Всё прошло прекрасно. После последних гостей мы могли есть всё, что хотим, не убирая еду со шведского стола.

После ужина в субботу нам разрешили выпить пиво или вино. К Фреду приехали родственники из другого города и им было не до нас. Они отсели за соседний стол – правило проводить вечер вместе при любых обстоятельствах было внезапно забыто.

Но все девчонки были этому только рады. Мы пили внутри ресторана, потом на улице – сидели на деревянном полу под навесом, курили и долго болтали. Девочки жаловались на неадекватное поведение Фреда и на постоянные придирки Анетт. Каждой из них было что рассказать. «Мне надело это дерьмо», – сказала одна из них. Её поддержали остальные.

Но всё-таки мы больше смеялись и веселились.

Это был единственный по-настоящему хороший вечер там.

«Цивилиза-а-ация!»

Наступила Пасха. В этот раз Анетт сказала, что можно начать ужин раньше, не дожидаясь, когда уйдут последние клиенты. «Вы все – большие молодцы! – сказала она радостно. – Все отлично поработали!»

Два вечера подряд мне не доставалось десерта, но в этот раз было ещё много. Девчонки наложили себе сладостей, и я обрадовалась, что в этот раз тоже смогу полакомиться малень-

кими необычными печеньками с кремом. Я взяла три. И тут я столкнулась с Анетт. Увидев печенье на моей тарелке, у неё тут же началась жуткая истерика:

– Возможно, это у вас в стране нормально не думать о других и съесть самое вкусное!!! Но в Европе люди так себя не ведут!!! Ты в Ев-ро-пе!!! Здесь люди думают о других!!!

Анетт продолжала кричать, стремительно багровея. Её несло с такой силой, словно я рушила все устои шведского общества:

– У нас цивилиза-а-ация!!! Это невысказано брать десерт до ужина! Я вижу такое впервые!!! Немедленно, слышишь, я сказала НЕМЕДЛЕННО, положи все наза-а-ад!!!

На меня уставились последние посетители, которые доедали свой ужин.

«Вот тебе и Пасха, вот тебе Христос воскрес», – горько усмехнулась я про себя.

Девочки, которые уже успели положить десерт в свои тарелки, побежали быстро выкладывать его назад. Их Анетт не видела или не хотела видеть.

Она убежала на кухню, стала там плакать и кричать, что ей больно. Больно ей, больно!

И её, конечно, можно понять – она ведь из Европы. А мне не может быть больно. Поэтому меня нужно пнуть посильнее.

Я молча положила несчастные печеньки на общий поднос и оставила свою тарелку с остальной едой нетронутой.

Выйдя на улицу, я позвонила Рамешу – больше мне не к кому было обратиться.

В это время приехавшие в гости родственники Фреда уже спешно шли к ресторану на подмогу «несчастливым хозяевам», которых едва ли не объела «наглая мерзкая волонтерка из дикой страны». Они надменно смерили меня взглядом и зашли внутрь.

Я стала сбивчиво объяснять Рамешу, что случилось. Он не дал мне договорить.

– Немедленно езжай в Стокгольм, – скомандовал он. Его бескомпромиссный тон казался мне единственной опорой в тот момент. – Не оставайся там ни минуты! Ни минуты! Я встречу тебя на вокзале.

Прежде чем уйти, я зашла на кухню. Я посмотрела на эту семью: ах, какие они смелые и сильные вместе!

Мой голос был ровным:

– Вы оба – просто глупые неблагодарные люди, – сказала я, глядя на Анетт и Фреда.

– Твоё дальнейшее пребывание здесь невозможно, – поспешно выдала Анетт, пытаясь выставить меня первой.

– Я и не думала здесь оставаться после такого, – спокойно подтвердила я то, что и так очевидно.

Уже на выходе я услышала, как она бросила мне вслед:

– Езжай в свой йога-центр, там тебе будет лучше. А это место не для тебя.

Пока я была в доме и собирала вещи, ко мне поднялся Фред. Он указал пальцем на дверь:

– Тебе пора уходить.

– Мне нужно время собрать свои вещи, – сухо ответила я.

Он развернулся и молча скрылся в коридоре.

Когда я вышла, на улице собрались другие волонтеры. Они обсуждали, что слышали, как Фред сказал кому-то, что не повезёт меня на станцию, и что это моя проблема, как я буду добираться – такие они, «светлые цивилизованные люди из Европы».

Девочка из США громко возмутилась:

– Чёрт, да что они о себе возомнили?! Нельзя просто так выбрасывать человека на улицу! – она искренне негодовала. – Ты не сделала ничего плохого! – обращалась она ко мне. – По правилам пребывания он обязан довести тебя до станции! У меня есть водительские права, я возьму ключи от их машины и повезу тебя!

Полная решимости она двинулась в сторону ресторана.

Но эквадорки остановили её. Они уже проверили расписание поездов и выяснили, что сегодня выходной и никаких поездов из этой дыры попросту нет.

– Мы хотим уехать с тобой, – в один голос сказали они, и я увидела, что их буквально трясёт от пережитого унижения.

Они позвонили родителям в Эквадор и те пообещали, что пришлют им деньги на отель в Стокгольме.

– Пожалуйста, не говорите пока Анетт и Фреду, что мы тоже уезжаем, – умоляли они других девочек. – Мы уже вызвали такси.

Нам надо было добраться до Вестероса, далее – сесть на автобус до Стокгольма. Я помогла вытащить их сумки из каравана. Мы пошли в обход: ресторан был слишком близко, и хозяева могли нас заметить.

– Как такое, вообще, могло случиться? – озвучил кто-то общий немой вопрос.

– Ну, Анетт кричала про «цивилизованную Европу», – спокойно напомнила я. – А мы втроём не из Европы. И именно у нас было больше всего проблем в коммуникации с ними.

Волонтёрка из Германии – та самая, что за глаза обвинила девочек в использовании мобильных во время их прогулки с собаками, нависла надо мной. Она была намного выше и крупнее меня.

– Что-о-о?! Ты хочешь сказать, что в Европе расизм?! – заорала она мне в лицо, брызжа слюной от праведного негодования. – Если ты – дерьмовый человек и дерьмовый работник, это не значит, что мы, европейцы – расисты! Нормальных людей не выгоняют через неделю!!!

Ещё вчера вечером она вместе со всеми жаловалась на хозяев, но сейчас была готова порвать за них горло.

Началась склока. Девочки пытались нас успокоить, чтобы не обострять и без того сложную ситуацию.

Она сразу ушла, а остальные остались со мной. Мы около двух часов ждали такси. Было холодно, кое-где ещё лежал снег. Я ничего не ела с самого утра, но из-за нервного потрясения, голода я не чувствовала. Я была так истощена, что даже не могла вспомнить, был ли у меня выходной за эти семь дней.

Голос другого места

Пока мы ждали машину, я пошла по дороге к лесу.

– Ладно, – сказала я куда-то в темноту. – Не хочешь ты меня. Ну и пусть. Я была с тобой абсолютно честной. Но я всё поняла и уезжаю прямо сейчас. Спасибо тебе за эту неделю. Раз ты выталкиваешь меня отсюда, значит, есть другое место, где мне будут рады и где я буду счастлива. Я не злюсь на тебя и уезжаю с миром в сердце. И ты оставайся с миром.

Попрощавшись с этим местом, я ушла.

Мы вышли на дорогу и тут подъехала машина.

Водитель оказался иммигрантом из Сомали. Он пытался приободрить нас.

– Швеция – прекрасная страна! – сказал он с воодушевлением. – Здесь живут хорошие люди! Главное – это выучить язык.

В Вестеросе он хотел посадить нас прямо на автобус до Стокгольма, но тот был только через час. Этот рейс был последним до утра понедельника – нам повезло, что мы успели купить билеты.

Видя нашу усталость и растерянность, он завёл нас внутрь вокзала. Он подошёл к какому-то случайному шведу и попросил его помочь нам. После этого мы тепло попрощались.

Когда пришло время, швед довёл нас до нужной платформы.

Я была очень рада уехать, но мне было очень тревожно.

Что и кто меня ждёт? Что я буду делать эти полтора месяца? Ради чего я снова оставила своих детей?

Я прислонилась к окну и подумала о своей судьбе.

И всё вдруг стало неважно, потому что меня звал совсем другой город. Другое место, в котором, возможно, есть всё, что мне нужно и всё, что я ищу. Голос этого места был мягким и ласковым.

Впереди я видела огни Стокгольма, который любил и ждал меня.

Глава 9

АРВО

Побег из-под Вестероса завершился ночным Т-Централен. Мы попрощались с эквадорками, они сели в такси и поехали в гостиницу. Дальше их путь лежал в Испанию.

Когда я переступила порог квартиры Рамеша, я сразу поняла, что я – дома. Впервые за долгое время я почувствовала дикий голод. Пока я уплетала бутерброды и запивала их горячим чаем, Рамеш слушал мой сбивчивый пересказ ресторанный ада.

– Они просто расисты, – сделал заключение он. – Не слушай тех, кто судит тебя по внешности и стране происхождения.

– Знаете, Рамеш, в стране моего происхождения и в моей внешности нет ничего страшного, чтобы относится ко мне с таким высокомерием.

– Да, – согласился со мной Рамеш. – Но ограниченным людям ты все равно этого не докажешь. Да и не надо. Оставайся собой. Ты – прекрасный человек, Марианна. Если другие этого не видят, это их проблемы.

После ухода Ларисы дом Рамеша опустел. Он не мог находиться в четырех стенах – постоянно убегал: то на лишнюю тренировку, то на танцы, лишь бы не слышать этого безмолвия после десяти лет жизни вдвоём. Я смотрела на него и не понимала, как этот крепкий мужчина может вот так просто разрыдаться, вспоминая её.

– Она заботилась о каждом моем шаге, – всхлипывал он, – варила мне супы, следила за здоровьем... а потом уничтожала меня за то, чего я никогда не делал.

Моё сердце не выдержало. Я решила, что между ними просто «замыкание», которое можно исправить разговором. Я набрала её номер. Лариса ответила быстро, её голос был бодрым, даже торжествующим. Но через пять минут я поняла: я говорю не с обиженной женщиной, а с кем-то, кто живет в параллельной вселенной, где логика – это запрещённый приём.

«Опасный белый цвет»

– Лариса, я вижу Рамеша каждый день. Он разбит. Зачем всё это...

– Разбит? Ха! – она зло рассмеялась. – Пусть плачет! Мало ему, кобелю. Ты просто молодая и наивная. Ты не видишь, что у тебя под носом творится?

– Что именно я должна видеть?

– О, он хитрый! Он со своими проститутками – а они все проститутки! – переписывается через YouTube. У них там тайные шифры под роликами. Они следят за мной через «жучки». Видела на его компьютере маленькую круглую штучку?

– Лариса, это регулятор громкости...

– Это прослушка! – не терпящим возражений тоном заявила она. – Через неё его бабы слушают, о чём я говорю.

– Зачем кому-то вас подслушивать? – я постаралась аккуратно охладить её пыл. – Почему вы считаете, что это вообще кому-то интересно?

Я замолчала, пытаясь осознать масштаб катастрофы. Но Ларису уже было не остановить.

– Он спал со всеми! – выпалила она с пугающей, фанатичной убежденностью. – Даже с подругой своей дочери!

Я знала, о ком идёт речь.

– Та женщина – лесбиянка, – я предприняла слабую попытку воззвать к фактам. – Ей никаким образом не интересны романтические отношения с мужчинами.

– И ты в это веришь?

– Конечно.

– И Женька, соседка твоя... Да они же на твоих глазах трахаются! Раньше я ему мешала, а теперь ты видишь, что происходит, да?! Видишь, как он к ней бегаёт? Теперь ему не надо скрываться!

– Лариса, – я постаралась вложить в голос максимум спокойствия, – они едва здороваются. У вас есть хоть одно реальное доказательство? Хоть одна переписка?

– Доказательство? – она фыркнула. – Конечно! Однажды он надел белую рубашку. Просто так, без повода.

– И?

– И?! Мужчина надевает белую рубашку, только когда идёт к любовнице. Это же очевидно! Все они изменяют. Вообще все. И он не исключение. Он ещё в Сольне, когда мы жили там, купил своей старой знакомой роскошные апартаменты. По соседству!

– Ты думаешь, почему мы переехали в Сундбюберг? – продолжала негодовать Лариса, – это я заставила его продать ту квартиру в Сольне и переехать в другой район! Потому что его любовница, эта сука, эта мерзкая проститутка жила рядом с нами – он купил ей ту квартиру, чтобы было удобно бегать к ней!

Я находилась в этой скромной квартире Рамеша в Сундбюберге. Он жил по средствам, считал кроны. Идея о том, что он дарит кому-то «роскошные апартаменты», пока сама Лариса живёт с ним в обычном жилье, была настолько абсурдной, что я не могла понять, как она в принципе могла до такого додуматься. Тем более, та знакомая уже десять лет жила в другом городе со своим партнёром – информация, которую в Швеции можно проверить в два клика. Но для Ларисы факты были лишь досадной помехой.

– Лариса, он действительно плачет. Ему больно.

– Ха-ха-ха! – этот смех я не забуду. – Пусть воет! Значит, совесть жрёт. А ты сиди там, верь ему дальше. Пока он и тебе «прослушку» в кровать не подложил.

Мы попрощались. Внутри было чувство, будто я прикоснулась к чему-то липкому. В её мире не было любви, было только бесконечное следствие, где приговор вынесен заранее, а уликой может стать даже цвет рубашки. Эта её фраза про YouTube-шифры – просто эталон паранойи.

Рамеш вернулся с очередной тренировки, где пытался измотать тело, чтобы замолчал мозг. Рассказывать ему подробности этого разговора я не стала. Нельзя спасать отношения там, где один из партнёров уже давно воет с призраками в собственной голове. Никакие вложения – ни деньги, ни переезды, ни гражданство – не способны склеить то, что разъедает ревность и недоверие.

Скандинавский люкс

Рамеш превратился в моего личного гида по Стокгольму, который никогда не спит. Чтобы не давать нам обоим провалиться в тяжёлые мысли о людях, чьё время в нашей жизни закончилось, он таскал меня повсюду: конференции, выставки, вечеринки. Мой английский проходил боевое крещение в режиме 24/7.

Вершиной этого марафона стал день рождения Уве.

Когда мы подъехали к его особняку, я невольно поправила платье. Уве был не просто богат – он был тем самым шведским мультимиллионером, о которых пишут в финансовых колонках.

Внутри дом поражал тем, что шведы называют «тихой роскошью». Всё было сдержанно, дорого и безупречно.

Атмосфера была гремучей смесью из официального приёма и безумного рейва: грохочущий бит внезапно сменялся кристальным голосом оперной певицы, приглашённой поздравить именинника и удивить публику.

Журналисты центральных каналов, поп-звезды, учёные с мировыми именами. Весь «срез» Стокгольма в одном зале.

Шампанское лилось рекой, официанты бесшумно лавировали с подносами, на которых горами лежали лосось и нежнейшая курица.

Я чувствовала себя Алисой в Стране чудес, которая случайно забрела на бал к Королеве. Пока гости отжигали на танцполе, скандируя имя именинника, я старалась держаться поближе к Рамешу.

Уве подошёл к нам сам. В свои пятьдесят с небольшим он выглядел как человек, который давно всё всем доказал. Ни капли чванства, ни грамма надменности – только спокойная, мягкая уверенность и безупречная вежливость.

– Рамеш, дружище! – он обнял моего спутника и тепло улыбнулся мне. – Рад, что вы заглянули. Наслаждайтесь вечером, здесь все свои.

Мы перекинулись парой фраз, и я поймала себя на мысли: чем выше уровень человека, тем проще с ним общаться.

Позже я вышла на террасу, чтобы глотнуть прохладного воздуха, и невольно стала свидетельницей забавного «баттла» стайки молодых девчонок. Они стояли с бокалами шампанского, перебивая друг друга:

– Уве – мой лучший друг! Он лично прислал мне приглашение! – с придыханием хвасталась одна, так и сияя от собственной значимости.

– Ой, перестань, – осадила её приятельница, лениво поправляя безупречный локон. – Ты с какого года его знаешь? Я-то знакома с ним ещё до твоего переезда. Это я его лучшая подруга, он мне доверяет!

Я едва сдержала улыбку. Было в этом что-то трогательное и одновременно нелепое – это соревнование за право считаться «самой близкой» к человеку, который, скорее всего, завтра и не вспомнит их имён.

Стокгольм улыбался мне этой ночью, и я впервые за долгое время почувствовала: мир огромен, и в нём есть места, где люди не ищут «жучки» в компьютерах, а просто умеют красиво праздновать жизнь.

«Святой мученик и безумная истеричка»

Рамеш был сам не свой. Андерс устроил ему настоящий допрос с пристрастием, узнав, что я в Стокгольме.

– Андерс поставил мне ультиматум, – Рамеш бросил ключи на тумбочку в прихожей и прошёл на кухню. Было видно, что этот разговор дался ему тяжело. – Требовал, чтобы я выставил тебя на улицу. Немедленно.

– А ему-то какое дело? – спросила я, холодея от услышанного. – Я живу у вас, а не у него.

– Я ответил ему точно так же, – Рамеш устало опустился на стул. – Сказал, что не допущу, чтобы ты оказалась на вокзале. Где тебе ещё жить в чужой стране? Под мостом?

Я медленно пододвинула второй стул и села напротив него.

– И что он ответил?

– Сказал, что именно под мостом тебе и место.

В глазах Рамеша была смесь злости на Андерса и искреннего стыда за его поведение.

– Я дал ему понять, что условия в моём доме он ставить не будет. Это моя квартира, и я сам решаю, кого принимать в гости. А он заявил, что я променял нашу дружбу на тебя и что я предаю его.

– Предаёте в чём?

– В том, что помогаю тебе. Он заявил: «Ты ведь знаешь, какая она жуткая! Я же рассказал тебе всю правду о ней! И после всего этого ты принял её?»

Я подумала, что ослышалась. Какую правду?

И тут Рамеш начал пересказывать то, что Андерс лил в уши ему и Ларисе целый год, пока я была в Казахстане.

Оказалось, он выстроил целую мифологию моего «безумия». По его версии, я была «манипулятивной алкоголичкой, которая не могла прожить и дня без пива или вина».

– Он бегал по этой комнате, размахивал руками, – рассказывал Рамеш, вспоминая тот спектакль. – Говорил, что ты невыносимая, неуправляемая. Что ты мотала ему нервы своими пьяными скандалами, что постоянно требовала купить тебе алкоголь. А ещё, что ты истеричка, которая просто визжит без причины.

Андерс не скупился на детали: он приплетал «неадекватный славянский менталитет», что якобы мы, славяне – агрессивны и постоянно орём везде и всюду: в магазинах, в очередях, на работе и дома. Я не собиралась спорить с тем, что славяне – далеко не «пушистые зайчики». Но ирония заключалась в том, что Андерс вообще не представлял, о ком говорит. Столкнись он в реальности хотя бы с зачатками настоящей, непричёсанной агрессии – славянской или любой другой – у него случился бы моментальный инфаркт жопы, и его пришлось бы откачивать всей шведской системой здравоохранения.

Себя же он рисовал себя святым мучеником, который возил меня по дорогим ресторанам и осыпал подарками, а в ответ получал только неадекватный ор.

– А про подарки можно подробнее? – поинтересовалась я.

– Не помню, но он говорил, что покупал тебе что-то.

Мы действительно поехали в магазин одежды перед моим отъездом. Такие огромные магазины со всяким шерпотребом. Мне нужна была лёгкая весенняя куртка, и он купил мне дешёвую ветровку.

– Он сказал, что давал тебе деньги, – добавил Рамеш.

У Андерса был жуткий срach в квартире – человек, который не работал годами, ленился убирать за собой и делать базовые вещи для своего же комфорта. Он предложил мне убраться в одной из комнат, которая больше напоминала склад: куча вещей и старый хлам. Я убиралась несколько часов – физически это было невозможно сделать быстрее. И затем он действительно дал мне деньги. Но не просто так – это была оплата качественно сделанной уборки – 1000 кронн – клининг обошёлся бы ему дороже.

Мне стало физически больно. Не от того, что я ещё что-то чувствовала к нему, а от чудовищности этой лжи. Я, которая никогда не повышала на него голос, если только не защищалась от его же бреда, в глазах моих шведских друзей превратилась в монстра.

– Он сказал Стигу, что ты – алкоголичка и «пьёшь как рыба». К счастью, Стиг не из тех, кем можно легко манипулировать, он ему не поверил.

– Я «пью как рыба»? – переспросила я недоумённо.

– Он буквально орал здесь: «Только представь, если бы она забеременела, какой бы это был кошмар! Какой бы это был ужас и невыносимая жизнь!»

– Что?! Андерс бредил ребёнком от меня! Постоянно только и твердил, что никогда в своей жизни не хотел иметь ребёнка ни от одной женщины так сильно, даже от Эльзы!

– Не может быть! – в сердцах воскликнул Рамеш. – Он действительно так говорил?!

– Постоянно! Рассказывал про какое-то своё «видение» с детской коляской между ним и молодой женщиной – якобы это была я! Господи, как же ему не стыдно?! Ведь никто не заставлял его говорить вам всё это и выставять меня в чудовищном свете! Зачем?!

Меня прорвало. Хватит. Я выложила Рамешу всё. Я рассказала об издевательствах Андерса, о его помешательстве на «тёмной энергии», о каждом разговоре, где он медленно уничтожал мою психику.

Рамеш слушал, и его лицо менялось.

– Как ты могла это терпеть? – растерянно спрашивал он не в силах сопоставить факты. – С нами он никогда не позволял себе ничего подобного. Он был само очарование.

– С вами не позволял. А со мной мог позволить, – ровно произнесла я, давая ему возможность самому переварить масштаб этого двуличия.

Я дошла до самой страшной части – истории Эльзы. О том, как Андерс, по его же словам, убедил тяжело больную женщину, что он «исцелит» её своими манипуляциями, заставив её потерять драгоценное время.

– Марианна, ты понимаешь, насколько это серьёзно? – Рамеш стал предельно собранным. – Если его дочь или родственники узнают об этом...

В этот момент стало ясно, почему Андерс так отчаянно пытался запретить Рамешу общаться со мной. Он не просто ненавидел меня – он до смерти боялся, что я заговорю. Дискредитация моей репутации была его превентивным ударом: «Не верьте ей, она пьяная истеричка».

– Самое мерзкое, – добавила я, – что пока он поливал меня грязью перед вами, он продолжал звонить мне в Казахстан. Сначала игнорировал, а потом клялся в любви.

Рамеша это удивило не меньше, чем всё остальное.

– В любви? Тебе? Но он убеждал меня, что всё кончено, и ты – худшее, что было в его жизни!

Человек, которого Рамеш считал другом, а я – близким мужчиной, оказался обыкновенным лжецом. Он врал всем.

Дело было не в том, что я спустя год я цеплялась за это его «люблю» – мне было плевать на его признания. Но меня вымораживало полнейшее отсутствие логики в его действиях. Вообще невозможно понять, какими механизмами руководствуется этот человек, чем он живёт и что у него в голове. Как можно одновременно говорить одно, делать совершенно противоположное, а думать при этом третье? Это же абсолютное расщепление.

Рамеш тяжело вздохнул, подперев подбородок рукой, и негромко произнёс:

– Наверное, он просто болен, Марианна. Он серьёзно, глубоко болен.

– Тем не менее, это вообще ни разу его не оправдывает, – в этом я была убеждена. – Если человек болен, то он идёт к врачу и лечится. Андерс этого не делает. А раз человек отказывается лечиться – значит, и спрос с него будет по полной программе. Как со стопроцентно здорового и вменяемого человека.

– А почему он сам себя до сих пор не вылечил своей «целебной энергией»? – задумался Рамеш.

До него окончательно дошёл смысл сказанного мной.

Какое-то время он ещё переваривал историю о том, как Андерс баррикадировался в комнате, спасаясь от моей «тёмной энергии». Но Рамеш смотрел на ситуацию под углом, о котором я, находясь внутри этого кошмара, даже не задумывалась.

– Марианна, ты хоть понимаешь, насколько это было опасно для тебя? – спросил он как-то раз. – Если человек на полном серьёзе обвиняет тебя в том, что ты – проводник тьмы, и что ты можешь ему навредить... это ведь тебе стоило опасаться его.

– Человек в таком состоянии абсолютно непредсказуем, – продолжал Рамеш. – В своем безумии он мог натворить что угодно, искренне веря, что он «защищается». Когда границы реальности у него размылись, ты была в зоне огромного риска. Это по-настоящему страшно. Тебе невероятно повезло, что всё обошлось. То, что он запирался от тебя в комнате, на самом деле было твоим спасением. Он думал, что оберегает себя, но по факту он невольно оберегал тебя от самого себя. Кто знает, что в любой момент могло прийти в его больное воображение и на что он мог решиться, чтобы «победить зло», которое он в тебе выдумал.

Андерс искренне верил в свою особенность и исключительность: но безумие, как это часто и бывает, банально маскировалось под «духовную борьбу».

Финн

Мы встретились у моей станции метро в обеденное время. Невысокий мужчина среднего телосложения с аккуратно подстриженной бородой и светлыми глазами.

– Кофе? – он приветливо улыбнулся, открывая передо мной дверцу машины.

- Да, можно, – согласилась я, разглядывая своего спутника.
- Где?
- Не знаю, – я на мгновение замялась, соображая, куда податься. – Здесь рядом есть МакДональдс. Пару минут на машине, туда вниз, – показала я ему.
- Тогда поехали, – легко подхватил Арво.
- Прежде, чем сесть в его машину, я спросила разрешение у Арво сфотографировать её.
- Думаешь, я хочу тебя похитить? – заулыбался он, ничуть не обидевшись на мою подозрительность.
- Я не отсюда, ничего здесь толком не знаю, – я беззаботно пожала плечами, хотя внутренне была начеку. – В любом случае нужно быть осторожной.
- Конечно, без проблем, – одобрительно кивнул он.
- Я отправила фото машины своей двоюродной сестре Тане с припиской: *«Я иду на свидание с мужчиной на этой машине».*
- Ответ сестры не заставил себя ждать: *«А как это тебе поможет, если он решит тебя похитить? Я что должна буду делать с этой информацией? Обращаться из Чехии в шведскую полицию или сразу в интерпол?»*
- «Да хватит уже бухтеть»,* – ответила я сестре, отмахнувшись от её ворчания. – *Ладно, отправлю сейчас Рамешу».*
- Мы пили кофе и говорили о том, кто чем занимается и как живёт.
- У тебя интересное имя, – я смотрела на фотографии дочек Арво, которые он показывал мне в своём телефоне, –шведское?
- Я – финн, – с явной гордостью улыбнулся он.
- Рассказал, что его родители переехали в Швецию из Финляндии ещё до его рождения. Арво был старше меня на восемнадцать лет, но выглядел он великолепно: хорошая генетика и занятия в спорт-зале.
- Чего бы ты хотела в отношениях? – он перевёл разговор на более личную тему, внимательно глядя на меня.
- Ну, не знаю, поймёшь ли ты... – задумалась я. – Хочу отдавать и получать энергию.
- Я тебя отлично понимаю! – он закивал с таким видом, будто я открыла его собственный секрет.
- Давай свои руки сюда, – сказал он мне, протягивая на встречу свои ладони.
- Я положила свои ладони в его.
- И как тебе моя энергия? Нравится?
- Да, нравится. А тебе моя?
- Прекрасная энергия! – засмеялся он. – Хочешь сделаю «паутинку»? Знаешь, что это такое?
- Знаю. Делай! – разрешила я.
- Он стал водить своими пальцами по моей руке.
- Чувствуешь?
- Да.
- Когда у тебя день рождения? – спросил он, продолжая эти невесомые прикосновения.
- В ноябре.
- Надо же! И у меня в ноябре, – поразился он такому совпадению.
- Я не верила в «гороскопы», но зачем-то спросила его про знак зодиака. Он сложил руки, как будто прицеливался из лука.
- Я – стрелец, – сказал он, делая вид что выпустил стрелу.
- «Ой, – ёкнуло у меня внутри. – Кажется, мне уже больно».
- В этот момент показалось, что он уже попал в моё сердце.
- А ты? – спросил он.

– Я – Скорпион.
– Круто! А ты не ранишь меня?
– Ну, это у тебя «лук и стрелы», а не у меня.
– Да, но у тебя «жало»!
– Тюк, – я сделала жест рукой, – и тебя нет!
– Нет, ты меня не ранишь, ты ведь хорошая! – лукаво прищурился Арво, не отпуская моих рук.

Оживший учебник «домостроя»

Перед моим следующим свиданием с Арво Рамеш решил, что пришло время для «отцовского» напутствия.

– Послушай меня, – вещал он с видом укротителя женских сердец, – мужчина по природе охотник. А женщина – это трофей. Чем дольше и изнурительнее погоня, тем ценнее добыча. Если ты сдашься слишком быстро, тебя ждет обесценивание. Позор и потеря интереса.

Я едва сдерживала смех. Передо мной сидел человек того времени, когда женская стратегия выживания сводилась к бесконечному бегу с препятствиями.

– Рамеш, – я открыто рассмеялась, глядя на его серьёзное лицо, – то есть, по-вашему, уважение мужчины держится только на дефиците доступа к телу?

– Именно! – он назидательно поднял палец. – Чем дольше женщина не даёт себя даже поцеловать, тем выше её акции в глазах мужчины. Это закон. Минимум три месяца со дня знакомства – никакого секса!

Я чуть не свалилась со стула.

– Три месяца? Рамеш, я через месяц уезжаю в йога-центр. У меня просто нет технической возможности для таких марафонов!

Он на секунду задумался, прикидывая мои шансы.

– Ну хорошо... Тогда два месяца. Ладно, один! Но не меньше!

Я поняла, что пора переходить к аргументам.

– Рамеш, послушайте. Вы рассуждаете так, будто у женщины нет своей воли, своего желания и своего интереса. Я что, должна ломать комедию и притворяться ради сомнительного «уважения»? Секс между взрослыми людьми – это фундамент.

– Ты его потеряешь, если дашь всё сразу! – твердил он, искренне пытаясь наставить меня на путь истинный.

– Если мужчина теряет интерес сразу после близости, то проблема не в скорости, а в том, что он дофаминовый наркоман. Ему нужен был только акт покорения, а не человек, – ответила я, ломая стройную концепцию Рамеша. – С таким же успехом он потеряет интерес к женщине хоть через три месяца, хоть через три года после того, как «добьётся своего». Я же говорю об эмоциональной связи. Когда двоим интересно друг в друге всё – от мыслей до запаха кожи – секс только укрепляет этот союз. Это не сделка «товар-деньги», это естественное продолжение близости.

Рамеш, впрочем, остался при своём. Его «охотник» внутри него продолжал требовать трёхмесячной осады.

– Никакого секса на первом свидании! – гремел он мне вдогонку.

– Я и не собиралась прыгать в койку на первом свидании! И на втором тоже, – хохотала я, стоя у зеркала.

Я выглядела ослепительно: подвела глаза, накрашила губы, распустила волосы. Я чувствовала себя живой, настоящей и абсолютно свободной от всех этих пыльных догм. Моя «темнота» внутри искрилась предвкушением встречи с Арво, а не страхом «потерять лицо».

– Тяни время! Слышишь? Тяни время! – доносилось из гостиной ворчание Рамеша.

– Пока-пока! – сказала я и выпорхнула из квартиры.

Мой личный «сумасшедший»

Этот вечер в доме Арво был пропитан чем-то гораздо более глубоким, чем просто уют. Пока Стокгольм за окном жил своей размеренной жизнью, здесь, на кухне, разворачивался настоящий ритуал.

Арво возился у плиты. Он не просто готовил – он творил. Золотистая картошечка с хрустящей корочкой, шипящая на сковороде, нежный соус, рецепт которого он держал в секрете, и одуряющий запах свежей рыбы... Аромат и присутствие этого мужчины рядом со мной кружили голову.

Мы стояли рядом, каждый с бокалом вина. И каждый раз, когда мы соприкасались стеклом, Арво делал глоток, не отрывая взгляда от моих глаз. В этом взгляде не было тяжести, только сияние и неподдельный интерес.

– Знаешь, – начал он, и его голос в уютном полумраке кухни звучал особенно проникновенно, – в моём финском роду женщины были... особенными. В тех глухих деревнях, откуда вышли мои предки, они ведьмачили. Заговаривали боль, лечили травами, видели то, что другим не дано. Это сила, которая течет в моей крови.

Я слушала его, и внутри меня всё откликалось. Мне не нужно было подбирать слова или бояться, что меня сочтут странной.

– У нас с мамой тоже есть своя история, Арво, – ответила я и рассказала ему о том «призраке» из моего детства, о странных совпадениях, которые вели меня всю жизнь, и о тонкой грани реальности, которую я чувствовала с самого рождения.

Арво слушал, не перебивая, и его глаза, казалось, светились ещё ярче. Между нами установилось то редкое понимание, которое не требует доказательств или логических объяснений. Это был диалог двух людей, говорящих на одном языке – языке интуиции и родовых тайн.

Я смотрела на него – подтянутого, уверенного, пахнувшего хорошим вином и домашней едой – и внутри меня разливался тихий смех.

«Надо же, – думала я, – во всем миллионном Стокгольме я умудрилась найти еще одного «сумасшедшего». В этот раз мне даже не пришлось ехать в йога-центр!»

Я встретила человека, который не боится своей темноты и видит в ней силу, а не проклятие. В тот вечер я поняла: мой путь в Швецию был нужен хотя бы ради того, чтобы встретить этого финна, который поливает картошку соусом и спокойно говорит о ведьмах своего рода, делая меня наконец-то «нормальной» в моём собственном безумии.

Несмотря на то, что уровень английского Арво был ниже среднего, мы находили нужные слова. Если случался затык, в ход шёл переводчик: Арво переводил мне на русский, я ему – на шведский.

– Как тебе энергия моего дома? – с гордостью спросил Арво.

– Великолепная энергия, – честно ответила я.

– Все так говорят! Все! – воскликнул он. – Это потому что моя мама когда-то жила здесь! «Энергия дома» Арво действительно была тёплой и мягкой. Но было что-то ещё, что я чувствовала, но не могла понять. Я слышала какие-то всхлипы...

– Мне кажется... – сомневаясь, сказала я, – словно я слышу что какая-то женщина плачет здесь.

– Ты не можешь этого чувствовать. Это неправда. В этом доме никогда не плакали женщины, – авторитетно заявил Арво.

Я не стала с ним спорить. Это было неважно. В конце концов, это могла быть не моя чувствительность, а мои старые травмы помноженные на тревожность.

Арво был человеком действия. Заботливый отец для своих взрослых детей, которые жили отдельно, и душа компании. Технический специалист высокого класса, он занимался сложными системами, где нужны были острый ум и «золотые» руки. У него была налаженная, чест-

ная жизнь: рабочая машина, ключи от рабочих объектов, и чудесный дом в Накке, на который он заработал сам. Его было за что уважать.

Всё закрутилось стремительно. Сначала мне было неудобно перед Рамешем: во мне ничего не протестовало против такого резкого прыжка в отношения с женщиной, которого я едва знала, но на глазах Рамеша быстро закручивался уже второй мой роман в Швеции. А после того, что произошло с Андерсом, я пыталась «сохранять лицо» и возвращаться ночевать домой.

Но Рамеш, конечно, всё понял.

– Бедный Стиг, – сказал он как-то, видя как я снова собираюсь в Накку, – у него нет шансов.

Скрываться больше не имело смысла. Теперь Рамеш деликатно молчал и больше не советовал мне « подождать три месяца ».

И начался наш сумасшедший двухнедельный рай. Я ходила в его одежде, мы ели из одной тарелки, пили из одного бокала.

– Мой дом – это твой дом, – повторял он, обнимая меня. – Моя одежда – это твоя одежда. Делай здесь всё, что хочешь. Всё моё – твоё.

Глава 10

ТЁМНАЯ СТОРОНА, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ СВЕТ

Это случилось в конце апреля в беззаботный пятничный вечер. За окном уже густели сумерки, было холодно. Арво зажёл камин. Я заметила, что ему несколько раз кто-то настойчиво звонил, но он не ответил, поставив телефон на беззвучный. Мы пили вино, слушали какую-то божественную музыку. На столе – идеальный ужин. Я сидела в глубоком кресле, завернувшись в его мягкий халат.

И тут входная дверь распахнулась. В дом ворвалась женщина. Худая, темнокожая, на высоких каблуках и в шапке .

– Хей-хей! – выкрикнула она с порога, явно не ожидая застать здесь кого-то, кроме хозяина.

Но увидев меня – молодую, красивую, сидящую в кресле в халате Арво – она растерялась. Она была явно старше меня. Я с недоумением смотрела на Арво, который уставился на неё. В его взгляде читалось презрение.

Её начало мелко трясти. Она сделала шаг ко мне, протягивая руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.